
Наталья
Александр
Галина Долбенко
ВАКХАНАЛИЯ, ИЛИ
ХРЕНОТЕНЬ
ПО-РУССКИ

Александр Долбенко
Наталья Долбенко
Галина Долбенко

Вакханалия, или Хренотень по-русски. Рассказы из русского быта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31187470
ISBN 9785449061409

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Здесь собраны рассказы из русского быта. Обыденная жизнь скучна настолько, что персонажи живут в своем выдуманном мире, признавая его за реальность.

Содержание

Дар Вакха	5
Дорожный взрыватель	21
Путешественники	26
О мужестве и доблести	49
Пурзик	54
Вдвоем поодиночке	59
Николь Шерзингер	72
Магазин-призрак	81
За бутылкой кислорода	86
Парк. Девушка. Часы	95
Живой	104
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Вакханалия, или Хренотень по-русски Рассказы из русского быта

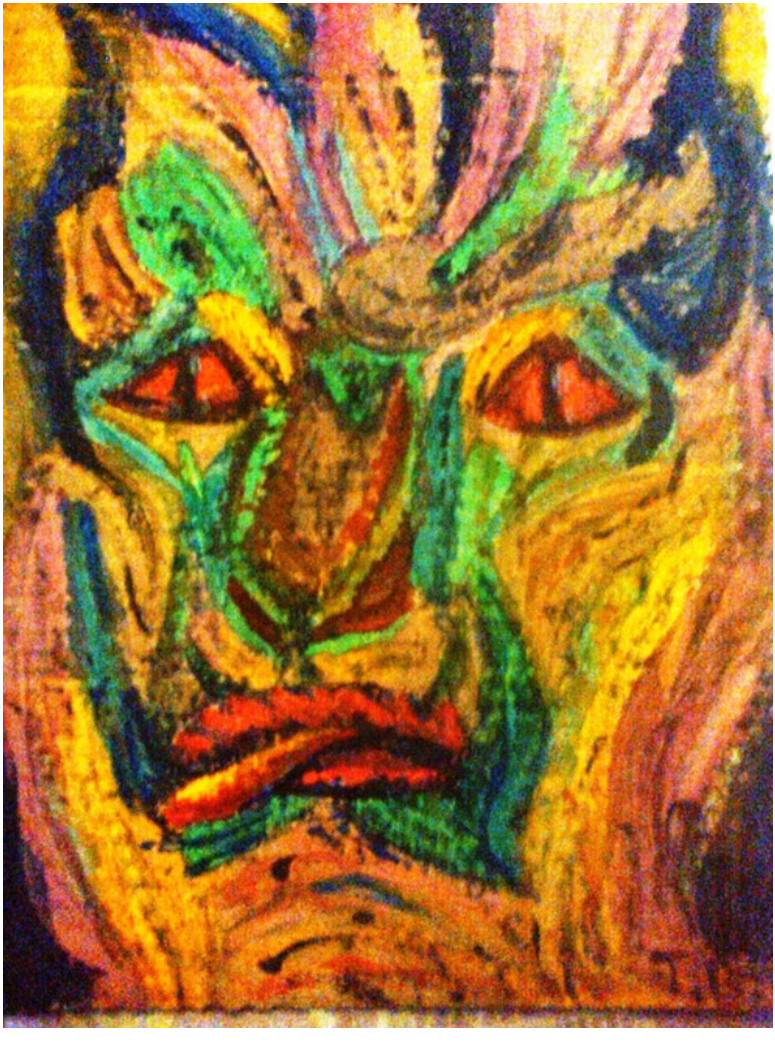
Наталья Долбенко
Александр Долбенко
Галина Долбенко

© Наталья Долбенко, 2019
© Александр Долбенко, 2019
© Галина Долбенко, 2019

ISBN 978-5-4490-6140-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дар Вакха

Часто вспоминаю маленькую деревеньку своего детства. Когда я была дитем, она казалась огромным миром, где мне всего хватало и я все любила. Она называлась поселком Гулюши в Татарии. Наверно и сейчас так же ее кличут.

Семья у нас была большая: папа, мама и нас девять детей. Я последняя. Папа Алексей работал скотником, подвозил корма скотине зимой, а летом пас на лошади коров. И я часто просилась с ним покататься. И он тешил нас своим удальством: как хлыстнет по воздуху огромным кнутом, по округе словно гром грянет – восторг. Мама же, Аня, работала ветврачом, но я к ней не ходила: так неприятно пахло лекарствами. Хозяйства своего мы не вели, но голодными никогда не были. В совхозе резали скотину и нам всегда отдавали головы и ноги. Мама варила холодец и щи, от которых у нас аж за ушами трещало, и мы надувались как шарики – вот до чего невозможно было оторваться от них. А на огороде только картошку сажали. Бывало выдем всей оравой и управимся – глазом не моргнешь.

– Ой, смотрите, Марулины, рабочий отряд на поле вышел! – смеялись соседи. Завидовали нашей сплоченности.

А мы и правда никогда не ссорились.

Нам половина деревни жалеючи носили кто мяса, кто овощей. И зимой и летом. А когда резали своих свиней, телят, овец, то почти весь ливер и конечности отдавали маме. Зато она бесплатно лечила их скотину. Но добрые люди все равно часто совали ей деньги: на, у тебя детей много, поднимай.

Мы же девятеро, ради озорства и от скуки лазили по чужим огородам, рвали яблоки, обдирали сливы. Родители не знали об этом, а нас никто из хозяев не видел. Интуиция

нас не подводила.

У отца родители рано покинули этот свет, а у мамы оставались отец и мачеха. Дед мой женился вторично, когда у моей мамы уже было пятеро детей. Мачеха многому научила мою маму, хорошо к ней относилась, но я ее совсем не помню: едва мне стукнуло девять лет и эта бабушка ушла от нас. Дед Кирилл переехал к нам. Я его просто обожала. Для меня он был самый славный дедушка в мире. Он сам мастерил музыкальные инструменты, прекрасно играл на многих из них. И из всех внуков избрал меня своей любимицей.

– Ты избранная, – как-то молвил, погладив меня по голове.

– Кем? – спросила я.

А он ответил:

– Богом, который властвует над веселием и вином. Вакх, – и еще добавил: – Девочка моя, ты очень красивая растешь. Вакх избрал тебя своей земной невестой. Он сам подберет тебе жениха, когда вырастешь.

Меня разобрало любопытство узнать побольше, но дед ласково отмахнулся и сказал: «Вырасти сначала». И показал книгу:

– Она тебе поможет. Я ведь не возьму ее в могилу. Оставлю книгу твоей матери и тебе. Я ее называю Библией. Она досталась мне от отца и передавалась из рода в род. Все берегли ее и скрывали ото всех, иначе бы нас как колдунов закидали камнями и насадили на вилы. Разные бывают биб-

лии, от разных богов. Моя от бога Вакха.

До этого я часто видела ее у него. В черном переплете, с золотыми буквами. И на таких ремешках, чтобы закрывать на замок. Дед ее часто читал и мама тоже. Нам очень везло. Возможно из-за этой черной книги нам все помогали, хорошо к нам относились. Никто и не помысливал причинить вред.

Дед Кирилл привез с собой балалайку, скрипку, контрабас. Гитару он делал уже при мне. Долго выбирал в лесу дерево, точил, строгал, пилил, что-то нашептывал. Я его не спрашивала, а он не говорил, какое дерево использовал, что шептал, почему.

Однажды дедушка привлек меня, ласково погладил по голове и молвил:

– Вот Наташенька, пришла пора. Все знания, которыми наделил меня мой бог, я отдаю тебе. Разве только инструменты не будешь делать, да тебе это и не нужно. На этих инструментах ты будешь играть и станешь знаменитой чуть не на весь мир. Так будешь играть, что люди будут заслушиваться твоей игрой, плакать, смеяться, радоваться, веселиться. А ты не должна допускать чужих рук до моих инструментов. Ты их не бери с собой по гастролям. Оставляй дома. Они твой талисман. Ты и на чужих инструментах на любых, каких захочешь, будешь вертуозная, даже если первый раз их видишь. Так повелел Вакх. Я благословляю тебя на успех. А теперь возьми поиграй, – и подает мне маленькое пластмассо-

вое сердечко. – На, не хрупкими же пальчиками по струнам будешь скрябать.

Я ударила медиатром по струнам. И что-то со мной случилось, как током прошило. Я не знала как, не знала что, но просто делала, будто через меня кто-то другой играл. Мне было хорошо и ни к чему было знать, от чего это так. Я словно разговаривала со струнами и говорила «играй» и музыка сама лилась, а я лишь легко дотрагивалась до инструментов.

Дед Кирилл был доволен мной. Захлопал в ладони, которые напоминали мне две темные разрисованные старой краской дощечки.

Я очень много времени проводила с дедушкой. Он рассказывал сказки, небылицы. О себе, как он был маленький и к нему явился бог. Веселый, небольшого роста, с пузиком и весь сиял смешным разноцветным светом. А лицо непонятно, молодое, старое ли. В левой руке бог держал черную книгу и говорил: «Это твоя главная грамота. В ней все, что тебе нужно для жизни». А в правой руке звенящий бубен. Он завещал беречь родовую книгу и искать в ней советы. Если нужно узнать будущее, дед открывал наугад страницу и красные строки вспыхивали меж черных шрифтов. Если кто-то чужой случайно открывал эту книгу, то буквы словно оживали и огромными букашками скакали и прыгали, а человек думал, что в глазах рябит. А то текст и вообще становился сплошным и будто на чужом языке написанный.

Один раз видел бога своего дед Кирилл, но это измени-

ло его жизнь. Он ведь рос непослушным, драчливым и ему могла и не перейти по наследству волшебная книга. И жизнь прожить он мог плохо и неправильно. Дед говорил, что после этого он никогда не знал ни печали, ни горестей. У него было море поклонниц, деньги как с неба сыпались, его и войны не тронули, и власти не обижали.

Дед мастерил музыкальные инструменты и продавал их. Пел песни, сочинял музыку и где бы не появлялся, всегда был в почете.

Но не долго дедушка тешил меня своей компанией. Через два года, как переехал, тоже отдал богу душу. Мы сильно горевали по его кончине. Когда несли гроб с телом, мне вдруг страстно захотелось играть на скрипке и я запиликала. Так желал дед и так пела скрипка. Даже посторонние люди, встречавшиеся на пути, останавливались и вытирали непрошенные слезы. Скрипка словно выдавливала их из глаз. И вот последняя горсть земли кинута на свежий бугорок. Дед безвозвратно далеко. На обратном пути я выхватила гитару и забренчала веселую мелодию. Я ревела, а голос мой дрожал. Но песня была веселая и счастливая. Люди на меня зашикали:

– Наташка, перестань играть. Разве так можно? На похоронах плясовую.

Но я продолжала играть, напевая слова: «Так повелел мой дед, я исполняю его волю…» Кто-то сказал, что девочка тронулась умом с горя. От меня отстали. Я впервые играла эту

мелодию. Снова я не знала откуда она взялась и кто ее автор. Может быть я даже не касалась струн пальцами. Дедушка витал где-то рядом. Может вселился в гитару и издавал прекрасные звуки. Но я его чувствовала рядом.

С той поры мне его очень не хватало. Я скучала. Хорошо, что рядом с нами жила одна семья. И в ней рос мой ровесник, в играх с которым я забывала об утрате.

Марьям, его мать, осталась вдовой с тремя малышами на руках. Работая на птичнике, познакомилась с Альгамом, который как-то привез корм курам. Ему двадцать пять. Ей тридцать. Глянули друг на друга и больше с той поры не расставались. Мать и сестры Альгама чуть не волосы на себе рвали: сильно воспротивились, ведь сын и брат в их глазах оставался нетронутым святым ребенком. А тут еще баба с тремя детьми. Не иначе заколдовала, охомутала парня, опоила зельем. Так судачили люди, но Альгам не слушал пересуды. Стал жить с Марьямкой и дети его полюбили, стали звать отцом. Появились еще два сына. Последний и был мой друг Камиль. Нас тянуло друг к другу. Нам было хорошо. Нас даже дразнили жених и невеста.

Время шло. После смерти дедушки родители решили уехать отсюда. На другое поселение близ Арзамаса. Тоже работать в совхозе. Но там для совхозников строились кирпичные дома со всеми удобствами: газом, паровым отоплением. Из крана даже текла вода и не надо было с коромыслом ходить в колодец. Да и что греха таить, отхожее место не надо

искать за сараем и морозить ягодицы. А водонапорная башня, высившаяся в конце пока единственной нашей прямой улицы казалась мне таинственной башней с заточенной там принцессой.

Нам дали просторный светлый дом. Мы несказанно радовались новоселью. У нас даже для девочек и мальчиков отдельные комнаты появились.

Поселок наш высился на крутом холме и мы любили с гиком сбегать с него. Все дома красивые, с большими садами. Фруктовые деревья, кусты обильно плодили каждый год. Чернозем давал богатый урожай. Мы как в рай попали. Например, одна картофелина была такой крупной, что могла весить аж три килограмма, а лук можно сравнить с большим мужским кулаком. И еще здесь росло невысокое диковинное дерево, колючее, усеянное серыми мохнатыми плодами. Настолько плодовитое, что кажется полностью серым и без листьев. Люди по-разному его называли. Кто серушка, кто сливянка войлочная. Мы очищали мохнатую шкурку и сладкая розоватая мякоть таяла во рту. А язык хочет еще и еще и не может насытиться. Одна загвоздка, не всем нравится сердцевина плода. Это волокнистый серый как мышь комочек, в котором скопились несколько семян, похожие на виноградные. Только покрупнее. Если сердцевину разжуешь, то вкус ореха напоминает. Дети очень любят эту мышку. Только потом за животы хватаются и бегут к матерям делать клизмы. Старожилы не помнят откуда появилось такое деревце

и почему в других местах его нет. Видные ученые-ботаники брали саженцы, семяна, но саженцы в другом месте погибали, а семяна не всходили. А странное дерево по весне распространяло такой дурманящий запах, что ничего другого больше не чувствуешь и ходишь счастливый и пьяный. В нашем поселке каждый сажал себе такое деревце как талисман.

Внизу улицы в самом саду среди одних этих мышиных деревьев красовалось каменное здание нашего клуба. По вечерам там собирались в зарослях на лавочках парни и девчата. Шутили, пели песни и слушали как протекает неподалеку маленькая речушка. Настоящее раздолье для гусей, уток и малышни.

Я быстро прижилась здесь. Ребята называли меня по-разному. Кто Натка, кто Наташка, кто просто Наташа, но для всех я была – великий музыкант. Каждый вечер молодежь приходила гурьбой к моим окнам и вызывала меня поиграть на гитаре и на скрипке. Каждый вечер я брала разные инструменты. Возьмешь балалайку и тут же пародируешь животных, птиц. Все вокруг смеются, от хохота скрючиваются. И мне радостно. Я просто сияла от счастья, что я и моя музыка нужны людям. По окрестным клубам разъезжать стала, приглашали на свадьбы. Обо мне несколько раз писали в газетах. Талант, самородок. А я с удовольствием исполняла всем свои песни. Сама сочиняла музыку и слова. А бывает на концерте выйду на сцену, вспомню деда и хватаюсь за скрипку, что все зрители как один плачут. А мне удиви-

тельно, как мой дед мог наделить меня и инструменты таким волшебством.

Однажды я выехала в Арзамас с концертом и мне после выступления подарили очень дорогую шубу с блестящим черным мехом. Торжественно накинули ее мне на плечи и все зааплодировали. Папа встал с первого ряда и поднялся ко мне на сцену, чтобы взять подарок. Снимая с плеч, выругался: «В жопу мать! Какая тяжелая!»

С первых рядов послышались распросы у моей мамы: «Что, что он сказал?» Мама чуть покраснела.

– Это он русскую молитву сказал.

Она ведь не могла ославить мужа, что он такой матершинник и грубиян.

Принес папа шубу в машину, пока меня ждали. Вахтер тут же свистнул в свисток и мигом явились два милиционера, охранять мою шубу. А сколько мне премий давали, цветами осыпали с головы до ног. Столичными конфетами заваливали. И всегда я деда вспоминала. Благодарила. Да и как не вспомнить. Его черная книга осчастливила не только меня, но и моих братьев и сестер. И каждый раз на приглашение учиться красными буквами оповещала: «В училище не ездий учиться музыке, и тем более в Москву.»

А я и родителей бросать не хотела. У меня и здесь славы и поклонников хватало. От парней отбоя не было. Но книга не велела никого выбирать из них, называла их бродягами и разбойниками. И как-то обмолвилась: «Когда поедешь

на родину луком торговать на машине с сестрой и братом, там суженого и сыщешь.»

Так оно и вышло. Мне девятнадцать лет стукнуло. Мама решила отправить нас в село Никольское, что рядом с Гулюшами. И как раз на грузовой машине лук продавать. По осени за хорошую работу в совхозе нас троих – меня, брата и сестру – кроме денег наградили еще и луком. И получилось этого луку целый кузов. Самим нам его не съесть. А деньги всегда нелишние. Вот и направились мы на Родину. За одно и дедову могилу навестить. Едва мы только показались на дороге, как у нас по дорогой цене весь лук раскупили, да еще заказывали.

В тот же вечер подошел ко мне друг детства Камиль. Красивый вырос, статный. Широк в плечах. Я его и не узнала. А он меня почему-то сразу признал. Слово за слово и уже договорились встретиться у нас под Арзамасом через неделю. Он без опоздания приехал в назначенное время. Так и остался. Так и поженились. Мне на него книга прямо и указала.

«Это он» – так началась моя семейная счастливая жизнь.

У нас родились четыре девочки и четыре мальчика. Дочери на мужа похожи. Все черноглазые и смуглые татарочки. А сыновья в меня. Только последний сынишка Кирюша вылитый дед. И губки даже пухлые бантиком. Небольшой красивый носик, широкие глаза. И даже в его повадках было что-то дедово. И в голосе звучали знакомые нотки.

Но все еще были у меня особые три поклонника. Я уж

многодетной матерью стала, а они по мне сохли. Не женились. Под окнами торчали. Ни один концерт не пропускали. Запили. Отъявленными известными дебоширами заделались. А когда я за Камилюшку моего вышла, они чуть в петлю не полезли.

Но муж мой никогда не ревновал меня, потому что знал, что я всегда останусь ему верна. Единственное только было странно в наших отношениях, да это и изменой-то не назовешь, это мои странные сны. Деда мне говорил: «Ты будешь земной невестой бога Вакха». Бога своего я никогда не видела, но во сне четыре раза была близка с неким мужчиной. Видеть его не видела, а вот тело его и дыхание совершенно реально ощущала.

Четыре сына родились после снов в определенное точное время. Камиль все удивлялся: «Что-то ты их не догуливаешь по две недели.» Но я же не скажу ему про Вакха. Да может и это все мои вымыслы. Нам с Камилем еще жить.

А время идет. До сих пор я чувствую себя молодой. Смотрю на себя в зеркало и оттуда на меня вперяет взор совсем другая женщина, чем я была много лет назад. И бороздки в уголках глаз, и смешливые полосы у рта. В волосах чуть серебрится возраст. Я не скажу, что я жалею о чем-то. Может я и счастливее всех на свете. Но любому человеку сколько не дай, ему все мало. Потому что мы такие и жизнь наша короткая. Всего все равно не успеешь. Мне смешно замечать тех моих ухажеров. Они все еще увиваются и видят сны на-

яву. Заядлые холостяки уже потеряли вид, стали еще злее.

Однажды мы всей семьей поехали в Арзамас на концерт. Родители мои только остались дома с инструментами. Я их по настоянию деда не брала с собой. Концерт не удался. Я еще не могла назвать причину, хотя смутно догадывалась. Мы возвращались на машине домой и уже издали заметили неладное. На месте нашего дома еще дымились недогоревшие черные руины. Крик ужаса вырвался из моей груди и я ринулась, хотя уже было поздно. Позже выяснилось, что эти забулдыги забрались к нам в дом и стали ломать музыкальные инструменты. Они уничтожали их в отместку за мое пренебрежение. А те, как живые, издавали такой рев и стон, что вся деревня всполошилась, но никто в испуге даже из дома не высунулся.

Когда они ломали моих друзей из фанеры и струн, я беспечно выходила на сцену и держала в руках гитару. И одного раза стало достаточно понять, что сила моя и дар иссякли, а играть я больше не могу. В зале понеслись недовольные окрики, пересвист, поднялся переполох. Меня чуть не убили, так как билеты были очень дорогие. Зрителям в три дня вернули деньги, а мне требовалось заплатить неустойку. Да и стыд-то какой. Я тогда так расстроилась, просто ужас. Но еще не знала, что дома ждет настоящая трагедия. Эти бешеные пьяницы закрыли моих родителей в комнате и, уничтожив мои талисманы, включили утюг, положив его на постель. Родители колотили в дверь, звали на помощь, но ни-

кто не откликнулся и не пришел. Они погибли. А мой дед говорил маме: «Ты Нюся умрешь с Алексеем в один день», только не сообщил как.

Люди увидели пожар. Только тогда побежали с ведрами тушить его. Не допустили лишь чтоб газ взорвался. Закопченые черные стены зловеще нашептывали, что за все хорошее надо платить.

Родителей схоронили в одной могиле. Как они у нас дружно жили, так вместе пусть и навеки упокоятся.

В это время Кирюше исполнилось пять лет. Сам малюсенький, а глаза мокрые на ровном месте. Сопли утирает, а подошел ко мне и сказал совершенно по-взрослому словами своего прадеда:

– Не горюй мама. Прошлое не вернуть. А будущее поправимо. Я пойду учиться в музыкальную школу. Я научусь делать такие же волшебные гитары и скрипки, которые сами играют, и подарю тебе, чтобы ты снова смогла выступать. Только вот вырасту и поеду в консерваторию в Москву. Вот увидишь, я стану великим композитором. Обо мне узнает весь мир.

Тут я и поняла, почему мне книга говорила в столицу не ездить. Там музыканты грамотные, а я даже нот не знала. Там бы я, может, и второсортной бы не стала. Наверняка у Вакха там много земных невест. Не до меня. А здесь лишь я одна. Славы и денег мне всегда хватало.

И все же я благодарна за судьбу свою. И муж достался пре-

красный, и дети мои умные и красивые. Все здоровы и веселы. Только что их ожидает там впереди? Ведь без книги я не могу узнать об этом. Потому что она сгорела в огне вместе с моим прошлым.

Дорожный взрыватель

Когда его доставили в отделение, вид у него был угрюмый, слегка отрешенный.

– Так, – произнес Павлюк, опер со стажем. -Значит ты и есть тот самый возмутитель?

Задержанный молчал.

– Э, товарищ, я с тобой разговариваю, – тронул плечо, смотря сверху вниз. Человек сидел на неудобном табурете. Ссутулился. Руки в наручниках сзади чуть затекли.

– А что это вы мне тыкаете, гражданин начальник? – про-

ронил он, не поднимая с пола глаз.

– О какой?! – опер выпрямился. – На дорогах гадить это он может, а тут ему почет и уважение оказывай.

Задержанный снова замкнулся.

Опер сел за стол и включил компьютер.

– Имя, – спросил громко и властно.

Задержанный тупо молчал. Но перевел презрительный взгляд на служивого.

– Ты чего, в молчанку играть вздумал? – лицо опера налилось краской. – Я ведь и встать могу.

Задержанный хмыкнул и повернул голову к стене.

Опер, мужик грузный с просединой в волосах, засучивая рукава, медленно приподнялся. Подошел вплотную к задержанному.

– У меня ведь, браток, времени нет с тобой цацкаться. Раскрыл дело и премию получил. Домой ушел. Будешь утюжиться, я тебе п…ы дам, понял меня, красуля?

Сидевший посмотрел на него снизу насупленный.

– Бить будете? Бейте.

На это опер резко сунул ему кулак в рыло. С грохотом человек упал на пол, постанывая.

– Еще хошь, милейший? Или по нормальному?

Казалось, человек изменился.

– Помогите встать что ли.

Опер приподнял задержанного. Снова усадил на табурет. Сам занял свое привычное место за бюро.

– Итак, имя, фамилия, год рождения.

– Семен Рогожин, восьмидесятый.

Опер прикинул в голове возраст.

– Сема, чем занимаешься, где живешь?

– С бабкой в двухкомнатке. На стройках бетон мешаю.

Милиционер застучал по клавиатуре.

– И сколько получаешь, получал? – чуть крякнул.

– Двадцать тысяч, – Рогожин посмотрел в окно. В свете полуденных лучей освещалась короткостриженная голова, впрочем лицо не без налета интеллектуальности. Небрит, худ. На левой брови белая полоска старого шрама.

– Читаю протокол, Семен, слушай: «Сегодня в шесть утра был пойман с поличным гражданин, подкидывающий на автодороги коробки с взрывчатым веществом. Отчего автомашины, проезжающие мимо, взрывались и происходили аварии. Задержанный пытался бежать, оказывал сопротивление…» Вот видишь как было. Признаешь вину-то?

– Против себя имею право не давать показаний.

– Ну ты же не хочешь упираться, Сема, а? – зазвучали нотки раздражения в голосе опера.

Рогожин вздохнул.

– Я помню, встретил ее в парке. Она была так красива, что я, несмотря на свою стеснительность, подошел познакомиться. Как вас зовут? Настя. А меня Семен. Слово за слово, мороженое, прогулка. Встреча за встречей. Переспали. Стали жить в гражданском браке. Я очень любил котят, как

и любил Настю. Казалось, и она меня, но не котят. Я однажды принес в дом три замечательных котенка. Рыженький, серый и черно-белый. Я показал Насте… Но как же она изменилась в лице. «Выкинь! – она фыркнула, а когда я начал было сопротивляться почти завизжала: – Отнеси их туда, откуда ты их взял!..»

Опер сидел и не перебивал, чувствуя, что это начало признания. Рассказ-исповедь.

– …Я ушел на работу. Вечером мы из-за чего-то поссорились. И поэтому мне плохо работалось. Но когда я возвратился домой, я был в шоке. Я не мог найти котят. Куда ты их дела? Я сразу спросил ее. Она не стала отпираться. Сунула, говорит, в коробку и выкинула на дорогу. На какую дорогу?! Я готов был искать их тут же. Она и сказала. Я побежал…

Задержанный сморщился и затрясся плачем.

– На том месте я нашел… Нашел… Я не могу говорить… Она их убила… Но… – он посерьезнел. – В этом были виноваты и они. Те, кто ехал на машине. Зачем давить непонятный короб? Это от бесчеловечности. А потом вам все ясно и известно. Я нарыскал книгу про самодельные взрывные бомбочки. «Книга анархиста» она называлась. Ну и стал подкидывать. Нате, жрите!

Он усмехнулся дьявольской ухмылкой.

Опер почесал затылок.

– Да, Семен. Ты молодец. О неведомом взрывателе и террористе писали в газетах. И вот ты попался. Ты хотел славы?

– Только возмездия и справедливости.

– Но ведь коробку могли сшибить и случайно.

– Случайностей нет, начальник. Нет.

– Эх, и отморозок же ты. Но тебе везет. Ты, Рогожин, слегка не в себе. Признают дурачком скорее всего.

Опер встал, налил из графина воды.

– Пить хочешь?

Рогожин тряхнул головой. Дознаватель позвал конвойного и задержанного увели. Милиционер посидел, задумавшись над составлением документа. «А ведь и я люблю котят, – подумал он. – И давить их не хорошо.»

Путешественники

Несмышленое утреннее солнце пробивается в окно. Сейчас около восьми часов. Послепасхальные колокола отзванивали в дали свой последний набат. Снег давно сошел. Весной пахнет уже по-другому. Свежей салатовой зеленью и проснувшейся землей. Апрель настолько разогрелся, что уже и дороги, и поля высохли, и можно гулять. А птицы подсвистывают свои брачные трели, порхая с ветки на ветку и кружаться в прозрачном ясно-голубом небе.

Я только что проснулся и еще не принимал душ. Даже не умылся и поэтому глаза хочется поскрябать, но я тяну и оставляю это на власть горячей воды. Вчера я пришел усталый с вечерней смены на кирпичном заводе. Наврал, что выполнил норму и сбежал, потому что не хотел ждать, когда погрузчики освободят от кирпича мне вагонки, а я бы их крюком перетащил снова в цех, откуда они груженые и взялись. Так всю смену. Попервой меня крайне раздражал круговорот. Как Вселенная, скажете. Нет, как белка в колесе. Как собачка, бегающая бесцельно ради того, чтоб вертеть на жаровне сочно капающий кусок телятины в ресторане. Для господ. Для других жирных буржуев. Я чувствую отторженность к своим коллегам. Мужло, бранящееся по делу и без дела. А уши мои давно зачерствели, но все еще сжимаются от этого. Был понедельник. В воскресенье на пасху все напоролись и теперь рассказывали о своих случаях, где и кто валялся, в каком овраге, кто кому что раскроил кулаком или дубиной.

Я то толкал вагонки по рельсовому пути, то, когда они заканчивались, садился и слушал грубые речи.

Нередко, удрученный невозможностью хорошо выспаться, раздраженный тюканьем слабости в ногах, волдырями на руках от солярки, чесоткой на коленях и прыщами от нее же на коже, отклонял голову к стене завода и закрывал глаза, стараясь забыться.

И все мечтал, когда побыстрей закончится смена. Когда побыстрей закончиться такая дерьмовая жизнь, без конца и края, в которой лишь каторжный изнурительный труд.

А вечером бежал с силиката, даже не смыв в общем душе копоть и пыль. Но это еще ничего – вечерняя смена. Встанешь утром в восемь как сегодня. Сам по себе. Вялый бредешь в туалет. Там отсидишься. А потом душ. Горячая вода размягчит мышцы как у загнанной лошади. Сейчас я уже свыкся, а поначалу почти умирал от этой каторги. Приходил и валился с ног.

Лежал еще снег. Еще мог повалить он совсем некстати и запорошить пути. Твоя электротелега не едет и ты лопатой из путевой ямы выгребаешь снег и грязь с водой.

Но сейчас лучше, если нет дождя. Сейчас прозрачное голубое небо и трель птиц веселит душу. Ах да, а вот в утреннюю смену совсем плохо. Встаешь в пять и бежишь. Ужас. И так длится всю неделю. И сразу бежать на завод и сразу надрывать тело, гнуть спину. И если забил цеховой путь пустыми вагонками, ты можешь прикорнуть то на лавочке, то

на своей электротелеге, на которой ты перевозишь вагонки с путя на путь. Прямо на ведре, проваливаясь внутрь ягодицами. И больно и сил нет встать. Так манит уснуть, несмотря на холод и ветер, уренний мороз. И ведь спишь урывками. А то в обеденный перерыв бежишь в будку к песочникам (толкают песок в щели, а конвейер тащит в цех) и, забывая несмелость, с ногами ложишься на лавочку и засыпаешь. И вспоминаешь Индию. Вспоминаешь девчонок из Шриланки. Сандъя, две Субахи, Чу-чу. Я провел в Индии год жизни… Зачем приехал? Зачем вернулся? Так шутили надо мной и я перестал рассказывать о том, что мне повезло прожить год в далеке от дома и много путешествовать. А теперь приходится вкалывать. И ты грязный рабочий словно и не был никогда счастлив и свободен. Словно не было у тебя яркой жизни. Не вязалось то, что было со мной, с тем, что теперь происходит.

Когда я прихожу домой, хотя и переодет еще в раздевалке, все равно от меня пахнет саляркой и пылью. Кирпичной смесью песка и известки. Отвратительным запахом завода. Отвратителен он, когда ты работаешь на нем за гроши, и те отдаешь за долги, а не когда ты его владелец. Вот когда он отвратителен. Отвратительны рабочие, которые смиренно трудятся годами и не делают попыток сбежать отсюда. Куда? Тут по Петушкам зарплата самая большая.

Когда я возвращаюсь вечером, я поддаюсь импульсу и бегу на кухню. Раньше, месяца два назад, я умирал от боли

в пояснице и бежал в зал делать йоговское упражнение. Теперь я стал сильней телом. Не болит. Так не болит, как раньше. И я бегу на кухню к нашему деревенскому кефиру и пью его с булками. После пасхи остались. Мама пекла. Мама. Она заботится и о парализованной бабушке и о козах, и об огороде, который почти ожил и собирается наброситься, навалиться на нее всей своей тяжестью. И теперь я пью кефир. Он кисловат, но вкусен. Особенно когда не ел около шести часов. Сестра выстукивает по клавиатуре, пытаясь написать дипломы для нас двоих во Французском колледже. Мы пытаемся там доучиться уже несколько лет. Просто так, бесцельно. Ничего нам это не даст. Я так же рискую и с дипломом европейского образования проторчать всю жизнь на проклятом кирпичном заводе. Молох. Древний языческий бог, требующий жертв. Я часто сравниваю завод с Молохом и мне кажется, что грохотанье и вправду делает из завода живое огромное чудище, которое питается не только песком и известью, но и потом и кровью человеческой.

И вот первый год, когда уже близится конец. Надоело учиться в университетах. Мы и в колледже учимся без цели. На социологов. Грант на учебу в Париже нам не дадут. Мы не знаем языка. И диплом дутый, и на русском. Нет, учимся только за повышение интеллекта. Сестра устала. Ей приходится пролеживать целый день. Мы живем в квартире одни. Мама в деревне, потому что там больная бездвиженная баб Шура. Теперь характер баб Шуры не узнать. Капризная

и вредная. И не предпринимает усилий снова ходить. Ругань, обиды. И результатов ноль.

Мысли текут скучно и тяжело. Собачья работа. Встаешь рано. Навкалываешься, придешь домой, если с утра, и борешься со сном. А ведь тебе еще дипломы и диссертации писать. Не бросаю я этот силикат, потому что платить долги за учебу в магистратуре. Один долг за первое полугодие банку Русский стандарт, другой сразу в деканат. Теперь осталось всего три тысячи семьсот пятьдесят. С пенсии мамы плотится в банк. Сверх денег совсем не остается. За квартиру еще уходит вся бабушкина пенсия.

Нервы сдают. Время от времени находят приступы злобы, от которой весь трясешься, потом тебя тошнит, руки-ноги слабы и видишь дурные сны. Ругаешься не с кем-то, а со своей семьей. Порой с сестрой доходит до драк. А мне ведь двадцать три года.

Друзей у меня нет. Кажется, что общество меня сторонится. Поэтому мы с сетрой и дружим только вдвоем. Еще у нее есть предательская подружка Анька. Постоянно приглашает ее к себе, а как кто позовет в гости, скрывает Наташу ото всех. Поэтому и предательская.

И мы постоянно с сестрой только и говорим, что о долгах, или ведем разговоры годичной давности. Мы оба прожили в Индии незабываемый год. Выиграли поездку как в лотерее. Не на свои. Своих денег у нас никогда не было.

Другим легче. У других скромные интересы, скромные

желания. У других в семье налажено. Что-то вроде уюта и довольства. У нас этого нет… Маму постоянно ругаю: почему бомжичкой ходит по деревне. Дома мы всегда донашиваем рванье. Родственников у нас больше нет. Мы одинокая компания из нескольких человечек. Мы отрезаны от мира. Мы сторонимся людей и люди нас. Что же делать?

Мама была когда-то очень умной. В школе могла не читая химию, физику, а лишь услышав из уст учителя, в точности все передать. Решала наитруднейшие задачки… но не пошла в университет и всю жизнь проработала на заводах. Бабушка обладала даром певческим, но всю жизнь проработала в телятнике. Теперь одна стара, а другая недвижима.

А я был художником, но все бросил. Учился на юриста, но не имел склонности. И от того сейчас работаю на проклятом кирпичном…

Пожалуй, и единственным развлечением нам с сестрой служит одно. Засядем вечером за картами, за гайдбуками и начинаем снова планировать и мечтать, куда поедем, что увидим. В Индии Мумбай, Гоа, Сикким, Каджурахо, Тамилнад и мыс Каньякумари, пустыни Раджастхана. В Таиланде Банкок и школа муайтая, остров Пхукет. Шриланка – проведаем наших сокурсников из прошлого. Южная Корея, Австрия, Италия, Вьетнам, где живут наши бывшие сокурсники… Англия… Карибы, где тоже живут наши сокрусники… Суринам… А, говорят, в Амстердаме есть на что посмотреть… Йоханесбург… Сингапур, Малазия…

Когда я очнулся, на часах было четыре утра. Оказывается, я случайно заснул с включенным светом. Через час снова вставать… Сил нет терпеть эту жизнь. Вкруг меня разбросанные карты заставляют меня страдать все сильнее. Праздный мечтатель. Путешественник. Свет выключен. До звонка будильника час. Придет смена и уйдут всякие надежды. Но придет вечер и снова нет-нет да и засядешь. Раджастхан, Бали, Куалалумпур…

Бес в ребро

Приятно позавтракав домашней курочкой и с пьянящей улыбкой поблагодарив и распрощавшись, каждый отправил-

ся по своим делам.

Даже в свои 45 лет Ирина сохранила грациозность, что просто невозможно было не оценить, ибо у нее уже двое взрослых детей, а она оставалась прекрасно сложенной, как девушка. Когда она шла вместе с дочерью, люди часто принимали их за фото моделей, что снимаются в рекламе для модных журналов.

Кирилл остановился перед красным светом, с гордостью думая об Ирининой улыбке, и бормотал что-то невнятное. Ну и что, что 50 лет. Мужчина всегда себя молодым чувствует. Несколько недель назад состоялось его продвижение по службе, чего он давно желал. У него все было отлично, и семья, и работа. И он все еще любил свою прекрасную женушку.

– Мужчина, – неожиданно раздался сладкий голосок и привлек его внимание.

Кирилл посмотрел. Джинсы, розовая блузка, бурый жакет, шустрая девчушка лет двадцати смотрела на него. В ее красоте и кокетстве сквозило огромное очарование.

– Извините, вы меня не подбросите? – спросила девушка.

Красивая молодка в купе с хорошим настроением, и он быстро ухватился за мимолетное приключение: «Куда надо ехать?»

– Ну вообще-то мне в Чертаново надо, – пропела девушка, с наслаждением заметив, что красота ее подействовала. – Подбросьте хотя б по направлению.

– Садись, – засмеялся Кирилл, – если захочешь соблазнять, учти: я женат.

Девушка засмеялась. В ее смехе зазвучали медовые колокольчики кокетки. Тут же она внимательно посмотрела на Кирилла, словно бы попыталась поглубже заглянуть в его душу. Затем, чтобы сесть на заднее сиденье, дернула заднюю дверцу. Кирилл открыл дверцу впереди, чтоб она села с ним рядом, и сказал:

– Не надо назад, сюда садись. А то подумают, что я твой шофер.

Девушка опять усмехнулась и быстро плюхнулась с ним рядом. Зажегся зеленый свет и с задних машин загудели ему двигаться поживей. Кирилл вдавил акселератор. А в голове у него завертелось много пикантных мыслей, ведь они не договаривались о цене. А значит…

Несколько дней назад он в газете вычитал, что накрыли притон с проститутками, большинство из которых оказались образованными, из благополучных семей. И он, хотя не был моралистом, не понимал, что их толкало на такой путь. Студентки из-за страсти к дорогим модным шмоткам и кафешным посиделкам рвутся к легким быстрым деньгам. Стипендии мизерны, чтобы удовлетворить потребности. А кто-то и вобще платно учится. Кирилл часто видел в колонках частных объявлений в газетах предложения провести досуг в компании массажисток-студенток. И как может торговля телом быть легким заработком? С первыми веяниями рас-

кованного Запада к нам пришла мода использовать тело для достижения успеха. Многие женщины сделали на этом свою карьеру.

Кирилл подумал: «И она такая же? А почему бы и мне не попробовать?» Чтобы проверить догадку, начал спрашивать:

– Тебя как зовут?

– Юля.

– Хорошее имя, – усмехнулся. – Учишься?

– Училась. Но сейчас я бросила университет, – опустила глаза вниз.

– А на кого?

– В театральном, – она отвечала односложно и ему приходилось вытягивать ответы как клещами.

– Почему бросила?

– Папа сильно заболел и не может работать. Мама инвалид – пенсия маленькая. Брат еще школьник. Поэтому все домашние заботы на мне.

– Печальная история. – Кирилл посмотрел: Юля выглядела очень огорченной. Играет или правда?

Вдруг Юля заулыбалась:

– Ну это жизнь такая. Всякое бывает. Что толку печалиться?

– Правильно. Ну а теперь чем занимаешься?

– Ну так, особо ничем, – она ответила, глядя в окно. – Время от времени мелкие заработки попадаются.

– Что за заработки? – не унимался Кирилл. Ему казалось, что играется с ней как с мышкой.

– Ну, -Юля выдержала паузу, и, глядя на него, вкрадчиво проговорила: – Вас пятьсот рублей устроит?

Тут Кирилл убедился в своей правоте. Она мелкая придорожная шлюшка. А в его жизни это первый подобный опыт. В теле занялась дрожь. Примерный студент, семьянин, служащий. Обо всем таком он только читал и слышал. И вот это перед ним. Да и жена далеко.

– Это твоя цена?

– Нет. Обычно две тысячи беру. Бывает и пять. Но сейчас прям очень нужно. С пятисотки рабочий день начну. Я без посредников обхожусь. Так что я могу сейчас прям минет сделать.

С горящими глазами Кирилл оглядел ее. Что успел увидеть – сильно возбудило его. Да и выглядела она так невинно. Прямо ангелочек-конфеточка.

– Ну одного только минета мне мало. Я все хочу. У тебя уединенное местечко найдется?

– Да. В Чертаново есть одна общага. Там можно. Но придется тогда еще сверху заплатить за вход.

Кирилл задумался, что в таком безумном приключеньице кредитка не подойдет, а наличкой всего тысяча двести рублей в карманах наскребет. Хватит или нет? Конечно, он мог довольствоваться лишь пятисотрублевой услугой, но заинтриговало, что же можно получить за пять тысяч. С его зар-

платой – это копейки. А когда что-то само в руки идет, лучше не спешить отказываться. Это всегда было его девизом и никогда не подводило.

Но перед тем, как он еще успел что-либо спросить, запиликал мобильник.

– Алле, доченька, – он неловко отвел взгляд от проститутки.

– Привет, пап, – в голосе любимой Машеньки слышался восторг.

– Да, куколка, что ты хотела? – он невольно улыбнулся. – Я уже далеко от дома. Если деньги нужны, возьми у мамы.

– Э, нет, пап, – воскликнула дочь. – Я вспомнила, у мамы день рождение скоро… ей надо очень красивую открытку и огромный подарок пойти купить. Сегодня может сходим вместе? На Арбате…

Кирилл взглянул на Юлю. Она сидела молча. Маша такой же взрослой скоро станет. А вдруг то, что он сейчас захотел приключения, повлечет мистически последствия: такое же падение его дочери? Он ужаснулся. И зачем он начитался Блаватской перед сном.

– Папа, – прервала Маша его размышления. – Ты слушаешь?

– Слушаю, лапочка. Но сегодня нет, занят. Завтра пойдем.

– Хорошо. Не говори только маме. Сюрприз будет.

– Ладно, – он вырубил мобильный.

Какое-то время они ехали в полном молчании.

– О чем думаете? – прервала Юля тишину.

– Сколько надо платить за твою гостиницу? Я просто думаю, вдруг у меня денег не хватит? – от близости с молодой красивой и доступной у него вылетели все сомнения: так сильно он хотел ее. Подумал: «Что правильно, что неправильно, потом видно будет».

Юля проронила:

– Не очень много. Не бойтесь.

– По-любому, не хочется оказаться там в дураках. Место безопасное?

Этот вопрос она слышала каждый день. И как попугай повторяла один и тот же ответ. Но прежде чем она сейчас ответила, мобильный Кирилла снова зазвонил.

– Алле, – вкрадчиво отозвался, бледнея.

– Привет дорогой, – послышался знакомый приятный голос жены.

– Привет, что-то хочешь мне поручить? Закупить что-то надо?

– Хорошая новость, – сказала восторженно. – Подумала сообщу до того, как в офис доберешься.

– Я уже боюсь, – пошутил.

– Эй, оставь, Кирюш, свои шуточки. Володя только что звонил.

– Володя? – в его голосе смешались радость и удивление. – Что он сказал?

Владимир, их сын, служил в армии капитаном и находил-

ся сейчас по назначению неподалеку от Балтийской границы.

– Сказал… – ее голос треснул от волнения, – что на мой день рождения обязательно приедет. Получил отпуск на неделю.

– Уау! – Кирилл довольно выкрикнул: – Здорово! Пирушку закатим.

Снова покосился на попутчицу. Уж больно не вязался его возглас семьянина с ней.

– Послушай, – сказала Ирина.

– Да, слушаю, но побыстрей говори. Тут машины гудят, не слышно.

– Ладно, когда домой приедешь, скажу.

– Ладно, – он знал, что Ира хотела как много лет назад признаться в любви. Ее причуды. Снова посмотрел на Юлю и слегка покраснел.

Кирилл выключил телефон и подумал: «Прежде чем до работы добрался, столько произошло! Почему? Надо в офис звякнуть предупредить, что задержусь. Нельзя упускать такую возможность. Юля – лакомый кусочек. Ирка не знает. Все будет хорошо. А маленькая интрижка даже полезна для укрепления многолетнего брака.» И он снова вожделенно посмотрел на попутчицу.

– Так куда ехать? – спросил ее. – Сожалею: нас постоянно прерывают.

Юля медово улыбнулась:

– А вы телефон отключите или батарейку выньте.

– Да, ты умная, я не догадался раньше, – он усмехнулся. – Только еще в офис последний звонок сделаю. Остальное время проведем спокойно.

Но прежде чем он набрал номер офиса, ему снова позвонили. Уже из самого офиса.

– Да кто там еще? – нервно рявкнул. – Алло!

– Здравствуйте. Я Михайлов, из отдела продаж, – говоривший был крайне взволнован.

– Да, говорите, в чем дело. Только побыстрее. Я сейчас занят. Возможно, я задержусь.

– Нет, вам срочно надо ехать в офис. Неожиданно приехали очень важные клиенты из Японии. И они крайне чем-то недовольны. Ваше присутствие просто необходимо.

– О, черт! – раздраженно выругался. – Что-нибудь нормально может быть? Никто не может без меня обойтись! Скажи секретарю, пусть приготовит кофе, сладкое… что там эти черти любят? Не скупитесь. Короче, создайте благоприятную обстановку. Вам же за это платят. Я уже еду.

– Да, да… ждем.

Кирилл безнадежно посмотрел на Юлю и подумал какая она аппетитная, как бы с ней еще встретится.

– Мне жаль, – покачал головой. – Наверно, даже звезды и гороскопы Глобы сегодня против нас. Где тебе тормознуть?

На лице Юли читалось легкое затруднение. Оно не выражало ни безнадежности, ни печали. Она тихо произнесла:

– Да здесь и останови.

Кирилл остановил машину на углу улицы. Юля открыла дверь.

– Погоди минуту, – он вынул из кармана несколько купюр. – На, возьми себе немножко.

Ни Кирилл не посчитал, ни Юля.

Девушка спокойно взяла деньги и сказала:

– Спасибо, ты, видно, хороший человек. Только жалеть меня не надо.

– Договорились. Где я тебя увижу-то еще?

– Да здесь на дороге ищи, – развела неопределенно руками. Она резко скинула с себя образ непорочного ангела и стала некой развязной дамой из стихов Блока.

– Ладно, ну у тебя номер телефона-то есть?

– Нет, – она мотнула головой. – Если б и был, не дала бы. Работа такая. Я принцев не ищу и близко к сердцу ничего не воспринимаю.

Кирилл шумно сожалеюче выдохнул. Она рванулась было уйти, но оглянулась.

– Хотя ты можешь мне свой дать. Я как-нибудь позвоню, – она озорно улыбнулась.

У него заблестели глаза, но быстро передумал: домашний лучше не давать, мобильный… нет, тоже лучше не надо. А уж про офис и говорить нечего. Зачем чернить свою репутацию. Прежде всего нужно ее беречь. Тем более что излишняя дружба с Юле

подобными ни к чему хорошему не приведет.

– Послушай, может завтра просто в это же время в этом же месте пересечемся?

– Ну, кто знает, что будет завтра, – нервно усмехнулась. – Да завтра ты, может, не захочешь меня узнать. Все вы мужики одинаковые.

– Тогда где, проказница? – настаивал Кирилл, не обращая внимания на ее сарказм, и ведя себя, как завсегдатай.

– Ну ты уж постарайся, поищи меня, если я приглянулась, – бросила она на ходу и смешалась в людском потоке.

Следующие два-три дня Кирилл безнадежно в одно и то же время и в том же месте искал Юлю. Внезапно из добропорядочного семьянина он превратился в азартного охотника за секс добычей. Мозги у него окончательно съехали набекрень.

Четыре дня спустя, после долгого ожидания…

– Привет, как дела? – дурманящий запах духов резко окутал воздух.

Кирилл вздрогнул, стоя на тротуаре, и резко обернулся. Все в нем заколотилось. Юля засмеялась:

– Ты так рад меня видеть, что растерялся как мальчишка, – она кокетливо поманила его идти за ней к его же собственной машине.

Уже в салоне, все еще смущаясь, что увидели его слабость, задал совершенно дурацкий вопрос:

– Как отец-мать?.. Братик…

– Ой, да брось ты… – махнула небрежно рукой. – Ты же

все понимаешь. Давай начистоту, что и где хочешь?

– Юля, я твой раб, – он театрально приложил руку к сердцу. – Ты приказывай. Куда хочешь, туда и поедем.

– Тебя вроде Кирилл зовут. Ты правда чуть чокнутый. Ладно. Ничего не боишься?

– Ну не скрою, волнуюсь, но ведь я тебе доверяю.

– Это плохо. Мир так жесток: никому нельзя верить.

Когда машина остановилась в указанном месте, душа Кирилла забила тревогу, а сердце учащенно застучало. Но он снова проигнорировал интуицию, про которую прочитал несколько книг по эзотерике.

Войдя внутрь, Юля перекинулась парой фраз с каким-то типом, а потом ввела Кирилла в какую-то комнату с желтыми поблекшими обоями. Вся мебель была старая и неприятно затертая, в пятнах. Юля усадила клиента на диван и открыла холодильник:

– Пиво будешь?

Кирилл согласно кивнул. Юля разлила пиво по стаканам.

– За знакомство? – подмигнула ему, чокаясь.

– За знакомство.

В тот же момент, тот тип, что стоял снаружи, вошел к ним. Кирилл вопросительно взглянул на него.

– Паспорт покажите, – буркнул требовательно тип. Широкие плечи, квадратный подбородок. С таким не поспоришь.

– Паспорт? – забегал глазами Кирилл. – Зачем?

– Нам нужно проверить, что ты не из ментовки.

– Но Юля знает меня, – шумно сглотнул, выдавая испуг. – Я не мент.

– Братан, тебе придется показать паспорт, – бугай повысил голос.

– Да у меня нет его с собой, – охрипшим голосом защищался Кирилл. – Да и как вы по паспорту мою должность проверить можете?

– Другие документы. Мы по своей базе пробьем.

– Да нет у меня с собой ничего, – теперь он врал: кто ж поверит, что он ездиет без прав. А документы свои показывать – ни за что. Он состоит в совете директоров, на нем экспорт-импорт. Про него даже в бизнесс-газетах пишут. И тут вдруг быть замешанным в крупных делишках с проституткой? Тогда всему конец. Шантаж равносилен смерти.

Тут в дверях возник еще один. В его руках камера.

– Ну-ка сфоткай его, – приказал первый.

– Я не хочу, чтоб меня снимали! – запротестовал Кирилл, загораживая лицо. – Что все это значит?

– Двадцать косарей гони.

– У меня с собой ничего нету.

– Ничего, не страшно, – человек зашипел тихо, как змея. – Одежду скидай. Юлька, давай, делай свою работу. Мы снимаем!

Взволнованный Кирилл вскочил с дивана.

– Погодите, я дам. Но не столько.

– Сколько дашь?

– У меня в машине, в кейсе…

– Тогда кейс гони и машину впридачу. Кошелек давай тоже.

– Я принесу… – и вытащил из кошелька всю наличку. Те недовольно пошелестели и запихали по карманам.

Кирилл молча двинулся к выходу. Дыхание участилось. По лбу поползли ручейки пота. «Только бы выбраться», – стучало в мозгу.

– Иди с ним, – кивнул бугай второму.

Юлька тоже зацокала следом.

– И не умничай там! Иначе мы тебя розыщем.

Кирилл глубоко вздохнув, глянул на них и молча вышел. За ним следовали двое. Он начал лихорадочно соображать, что же предпринять. Втроем подошли к машине. Еще издали Кирилл выключил сигнализацию брелком и теперь встал, взявшись за дверцу.

– Ну где твой кейс? – хрипло рявкнул бандит.

– Внутри, вон…

Тот удачно нагнулся. Тут-то Кирилл изо всех сил и дернул дверцу, засадив ею вымогателю по морде. Ему как раз хватило времени сигануть на сиденье, защелкнуться и завести мотор.

– Собака! – тот поднялся, втирая сочащуюся из носа кровь. – Убью падлу! – и загородил дорогу, вцепляясь в капот.

Машина рванулась с места и пихнула вымогателя. Через

мгновение он скрылся с их поля зрения.

Отъехав на приличное расстояние, Кирилл только тогда смог перевести дыхание. Он с ужасом думал о том, что могло произойти в худшем случае. Такая тонкая грань разделяла его со смертью или позором.

– Никогда больше не попаду в такую ситуацию, – пообещал он себе. – Никогда!

Когда он вечером вернулся домой, ему казалось, что он сбежал из тюрьмы. Эдакий Монте-Кристо. Естественно, Ирке он не обмолвился и словом. Был задумчив и встревожен. Отнекивался зловредными японцами.

Легли спать. На часах далеко заполночь. И вдруг раздался звонок в дверь. Кирилл испуганно вздрогнул: «неужели нашли?!» Как же он пожалел, что еще не перебрался из родительской квартиры в центре в охраняемый пентхаус. Всем давно известно, что подъездные коды отпугивают лишь бомжей.

– Кто в такую пору может придти? – сползла с кровати заспанная Ирина.

– Я посмотрю, – сглотнул слюну и зашлепал к входной двери. Нащупал по дороге бейсбольную биту. – Кто там? – он не решался глянуть в глазок, вспомнив разом шпионские фильмы, где киллеры прикладывают дуло к нему и выстреливают в глаз.

– Отец, это я.

– Вова! – выдохнул он с шумом и распахнул дверь.

С порога обнялись отец и сын. Подоспели сонные сестра и мать.

На следующий день за обедом семья собралась и весело болтала. Вдруг взгляд Кирилла упал на утренний номер газеты. На первой полосе красовалась статья, где сообщалось, что в Чертаново, в неком общежитии была задержана шайка рекетиров-грабителей. Среди них в качестве приманки участвовала девушка двадцати лет, бывшая студентка ВГИКа.

– Что-то особенное нашел? – спросила жена, увидев нахмуренного мужа.

– Так, ничего особенного, – Кирилл посерел, но сделав над собой усилие, равнодушно откинул газету. – Обычные сплетни.

О мужестве и доблести

Сергей Никанорович Серенький очень любит свою работу. Своими пухленькими пальчиками каждый день по многу часов подряд он может исписать столько бумаги, столько любовно замаранных мелким корявеньким почерком бланков вылетает из-под его легкой руки, что этими стопками следовало бы подпереть пизанскую башню.

Но нет. Конторский, по нынешнему офисный, рабочий Сергей Никанорович Серенький выполняет сложную и ответственную работу. Он проверяет правильность заполненных бланков и переписывает их, дабы не было разногласий и противоречий в документах. Так что его бумажки чрезвычайно необходимы и

поэтому старательно подшиваются и складируются в специальных шкафчиках.

Иной раз Сергей Никанорович так бывает занят, что, засмотревшись в окно, его ответственные умные ручки все равно продолжают что-то писать и писать. Или, к примеру, особенно будучи в добром духе, Сергей Никанорович, миленько улыбаясь сквозь очки, уже по бумажке водит писулькой и неважно, что буковки превращаются в колышки и горки. Сейчас важен сам процесс, беспрерывный как жизнь и время: вот М становится эдаким овражком и, может быть, в мозгу Сергея Никанорыча в этот момент всплывают образы уточек. Буква Т становится перевалом туристов и Господин Серенький мысленно переваливается через эти перевалы в суровых условиях гор; цыферки оживают и воплощаются в смешливую банду весельчаков – им только в пляс остается.

Бывают у Господина Серенького дни, когда он сам удержаться не может и, видимо, ощущая себя Гераклом, вдвое, втрое, а то и вдевятеро раз больше план заполнения бланков

перевыполнит.

И тут как хор пьяных грузин под тихим церковным сводом, как весть о наступлении Апокалипсиса до обеда с макаронами и котлеткой, в общем так же внезапно, так же ошеломительно раздался сверху указ, постановленный и укрепленный, что с N-го числа провести всеобщую компьютеризацию сотрудников!

Подобно застывшей скульптурной композиции Микеланджело Буанаротти с героями из древних мифов, с открытыми ртами, подобно питерским львам, мы застигаем десятки господ Сереньких: немало стонов отчаянья раздается из кабинетиков, не меньше и всхлипываний, словно от поголовного насморка.

О, сколько горя и разбитых надежд принес этот указ! Но кто виноват?!

Это всего-навсего необходимость России не отставать от держав-владык. А какой урон это нанесло душенькам Сергеев Никонорычей Сереньких! И все же не перевелись богатыри на земле русской! Один из многих – наш любимый герой – переборол печаль разлук со своими любимыми бумажками, с этими его детками, беленькими и сердечно замаранными, и теперь осваивает азы этого иноземца Виндуса Самовича, пускает в свой тесный мирок и супругу его – Экселию.

Поначалу они часто ссорились и непонимали друг друга, и Сергей Никонорович говаривал сердито:

– Ох, не доведет это до прогрессу, не доведет! Уж помя-

ните мое слово… вот уж когда чайком плеснет на эту чуду какой бедолага, тогда?!.

Но чайком никто не брызгал на компьютер и крах все никак не наступал. А только случилось однажды то, что герой наш вовсе и не ожидал: увидел Серенький через свои круглые окулярчики, что вовсе они с Виндусом и его семьей уже давно перестали враждовать и стали что-то вроде ближайших родственников. Сергей Никонорович стал частенько наведываться к ним в гости, а порой и шашни на сайтах заводить. Он то в пасьянсик сядит с ними перекинется, то партию в шахматишки сыграет.

С лучшим приятелем Виндуса Антирнетовым герой свел дружбу совсем недавно. А этот Антирнетов и давай ему свои угодья показывать: то туда заведет – конца и края нет, то сюда! Ох, и богатая он персона – миллиардер, да еще и волшебник: каждый день новые чудеса кажет – страсть, как интересно!

Так что бедный Сергей Никанорович, потеряв однажды то, чем просто жил и дышал, смог принять это как должное и не отчаялся, за что и был сполна вознагражден судьбою. Научился любить и ценить свой новый мир, раз нельзя уже вернуть прощлого, и благодарил ворвавшийся прогресс, подаривший ему столько незабываемых мгновений!

Вот-таки мы, подобно нашему герою, должны проявлять мужество и доблесть, чтобы мириться и дружить с настоящим, не горюя об ушедшем прошлом.

Пурзик

Лежит так умиротворенно на двух ляжках, что даже стыдно беспокоить. Лежит и улыбается чему-то своему, совсем по-человечьи. Наверно, пойманной крысе. Какая у нее была вкусная голова. Да и не то, что стыдно его стаскивать, ведь спать пора – два часа ночи, – а словно нарушаешь гармонию мира. Как с себя скидывать. Тронешь пальцем – пихнет лапкой: отвали! Пощекочешь живот – в ответ: муур, отвали! Как человек прям. Тычешь пальцем дальше – мотает злобно концом хвоста: не отвяжетесь – загрызу. Рассмеялись. Смеешься, а ноги трясутся и Пурзик вместе с ними. И словно сам ржет, ведь все его тело дрыгается. Не трясите меня – кажется трясет он голосом. А от этого хохота еще смешней. И кот двигается еще сильней на ляжках. Открывает недовольный глаз. И сворачивается котяра рыжим комочком. Теперь оный комочек дышит двухзалпно: передвигает дыхание из живота и зада к лопаткам, и наоборот. Иногда дергаются кончики лап, усы, ушки. А ноги под ним уже затекают. Наверняка еще час и два, и пойдет лазить по норам.

А пока весь затрясся. Наверняка вспоминает схватку с крысой. Как энергично движется хвост. Снова надо подергать за хвост: просыпайся, соня. Не реагирует. Пурзик! Ширк ширк ногтем. Трешь лапку – учащенней дышит. Поднимаешь хвост, а он потом дергает – оставь в покое. Вот он тянет, потягивается. Закрывает лапками лицо. И трудно с первого взгляда понять где лицо, где спина.

Неужели придется его скидывать? Эй! Пурзик! Шуба! Как змея хвост нервно двигается. Показывает кто тут хозяин. Снова сладко тянется, показывая чуток клыки.

Настоящий йога – так извернуться. Не пойму – это задняя лапа? А, да. Теперь отпинывается. Давай пощекочим нос ногтиком. А от туда тепло идет. Только прячет ноздри лапкой. В животе заворчало. Сейчас по обыкновению пукнет во сне.

Дунешь на него, а как-будто хвост сдул. И нет реакции. И опять мурчание.

Двигаешь ногами: может быть проснется и сам убежит. Хоть бы что – ни стыда кошачьего, ни совести.

Раздвинуть бы ноги, чтоб провалился. И стиснуть ляжками. Вот бы он глаза выпучил.

А ведь не можешь. Начинаешь гладить против шерсти: на, получай, бомжуля.

А то придет весь в соплях чьих-то зеленых, ошметочных, с желтой каемкой, и сразу в лицо лезет – подарочек, мол, принес.

– Иди отсюда, – говоришь ему… А он уже по-человечески обиделся и убежал, в угол забился. Стыдно теперь перед ним.

Ну давай, котяра, тянись и просыпайся.

Придется к крайним мерам прибегать: за шкибок.

Схватишь за лапу, а он остальными с когтями зацепит палец. Вот сам себя царапает за хвост. Глаза открыты. И вновь

закрываются. Хотя, чувствуется, понравилось дразнить свою лапу. Поглаживает ее. Но лапа не реагирует. Дрыхнет.

Все вместе тянемся, тянемся.

Злобно просыпается. Себя лижет. Смачно потягивается. Открывает пасть. Зевает. И теперь смотрит на тебя злым зеленым сощуренным взглядом. Подглядывает. На самом деле глазоньки его слипаются. Готов погрузиться снова в сон. В блаженный кошачий сон. В тепле и заботе. Утром получит в тарелке остатки щей со свиной кожей. Кашей. Молоко.

Но будет выпендриваться: эта жратва только дворняжкам годится. И побежит гулять на улицу, чтобы похвалиться им, что питается лучше, чем они.

Вот слышит, что речь о нем. Вскакивает. Чешется. Трясет загривок. Переворачивается, снова вылизывает. Покусывает блох. И удобно укладывается на другой бок. А как вскочит или забежит с улицы – прямиком к своей тарелке: вдруг что-то вкусненькое. Сейчас приснился ему вкусный сон. В благодарность себе обцаловывает лапки. Икает. Вздыхает. Чуть ворочается и снова засыпает.

Ну вот его скидываем. Пора и честь знать.

Его лицо выглядит недоуменно: что такое?! Варвары! Кто посмел тревожить?

Вырывается из рук и ложится на колени, постепенно сползая в пространство меж ними.

И все-таки его скидываем. Пусть сидит на диване один. Ему это явно не по вкусу. Оглядывается, недовольно че-

шется. Раздумывает. Уставится куда-нибудь в дальний угол и снова чешется, пробуя воздух языком. После сна словно пьяный, непричесанный. Никак не может въехать в реальность. Ложится и, не опуская головы, приходит в себя. Водит ушами: не слышно ли незванных гостей мышей. Нет. Пока все тихо. Ворочается и начинает снова дремать.

Вот такой наш Пурзик.

Вдвоем поодиночке

Пора просыпаться. Не охота, конечно, но скоро приедут гости: сегодня первое знакомство с будущей свекровью. Это всегда процесс волнительный и мучительный. Чужой человек, а тебе с ним жить и общаться. От того, какое впечатление ты на нее произведешь, так она и сыну на мозги накапает.

Я потянулась и приоткрыла глаз. Яркое солнце уже играло на противоположной стене. Как хорошо жить на юге.

Я всегда мечтала просыпаться и видеть за окном раскидистые пальмы. И вот сон сбылся. Я просыпаюсь, а они там. Их лапищи легонько хлыщут по незастекленному окну и мне

весело.

Я привезла в Азию свою семью и теперь мы вместе, не надо грустить и тосковать по дому, по маме. А мама уже шебуршит в другой комнате. Она всегда встает раньше других.

Я оделась и еще чуток заспанная вышла из комнаты.

К полудню позвонили и предупредили, что уже едут. Мы накрыли на стол. Скромно и вежливо. Вроде не особое торжество, чтобы заваливать стол, заказывая скатерть-самобранку. Просто столкновение двух семей.

Послышались шаги за дверью. Многочисленное топанье. А вот и она. Приземистая, строгая. Волосы уложены пучком, в строгом костюме училки. Хотя она никогда ею не была. Ее муж занимался крупным бизнесом и все заботы этой женщины сводились к тому, чтобы присутствовать с ним на приемах. А сегодня она специально надела только черное, чтобы запугать нас. Ну ничего. Выкрутимся.

Она посмотрела на меня и, естественно, сразу узнала: других девушек в квартире все равно не было. Состроила искусственную улыбку и разверзла объятия. Я направилась к ней, тоже раскрыв широко руки. Обнялись. Она вся напряжена. Таз далеко отодвинут: жест нежелания сближаться. Из-за этого она даже согнулась, отдавая в мое распоряжение только плечи. Пришлось на нее слегка надавить и прижать посильнее: мамочка. Она сдалась и расслабилась, даже заулыбалась искренне. Ну вот и поладили.

Моя семья не была столь образованна, как их, в плане язы-

ков, и общаться больше приходилось жестами и через меня. Но процесс единения прошел без эксцессов. В конце обеда некий голос шепнул, что она меня одобрила. Ну еще бы. Я ли не самая прекрасная, самая премудрая и самая совершенная?

Гости откланялись. Почти все со стола съедено, так что особо и убирать нечего, кроме одноразовых пальмовых тарелок. Удобно и экологично.

Я уединилась и села перед зеркалом. Вот сижу я, вижу свое отражение и не понимаю, как со мной такое может происходить, что я совсем не помню, как и где я с ним познакомилась. С моим будущим мужем. Да, лицо его я знаю. Даже характер. Историю его семьи, их культуру. Но вот остальное… самое важное… пробелы в памяти? Из-за чего? Голову напекло тропическим солнцем?

Будущие родственники определили дату нашей свадьбы. Уже через неделю. Они странные. Такие консервативные, восточные. И позволили сыну жениться на иностранке, из другой культуры и религии. Даже наши социальные статусы различны. Они постоянно вращаются в высшем свете, мой свет – тот, что от светилы. Они привыкли ни в чем себе не отказывать, а мы только на всем и экономили. Ну раз такое случилось, значит оно было угодно Богу или кому-то еще, и мне незачем из-за этого ломать голову.

Свадебная церемония оказалась даже веселой, не такой

утомительной, как я представляла. Я в традиционном костюме азиатской невесты, гости кто в чем. Руки раскрашены хной. Мне удивительно, что я это я, тут, в этой чуждой мне одежде. И самое странное ощущение, чувствовать себя не со стороны, а в главной роли. Наверно, что-то не так с моей психикой: не развитое самосознание и все такое прочее.

Я разглядываю присутствующих. Свекровь мила и со всеми приветлива – привычка. С другого конца зала приближается ко мне местная достопримечательность. Как ее имя я тоже не помню. Она русская, как и я. Живет здесь уже шестой год. Одевается исключительно в местные национальные костюмы, волосы паклей, сама неухоженная и подрабатывает репортером-фрилансером. Остальное время ходит по барам и смешит своим видом местную публику. И почему я пригласила ее на свадьбу? Может она сама напросилась? Я поглядела на нее внимательнее и поняла, что она сейчас выкинет какой-нибудь очередной номер. Глаза пьяные, вид озлобленный. И где только успела раздобыть спиртное? На свадьбах здесь выпивать не принято, не в России. Я отвернулась, думая избежать этим ее ненависти, но опоздала. Она подошла ближе и заорала охрипшим голосом:

– Несправедливо! Теперь даже всякие жиряги и уродины выходят замуж! Нормальные уже не в цене!

В другой бы раз я послала ее на три буквы или прошла бы мимо, оставляя за ней право выплескивать, что ей вздумается. Но тут мной внезапно овладела нежность ко всему живо-

му. Это мой день, моя свадьба и я не хочу портить настроение. Я одним рывком схватила ее за шею и придвинула к себе. Сакральным голосом прошептала ей в самое ухо:

– Скоро твоя жизнь полностью преобразится. У тебя тоже появится муж. Для него ты будешь самой красивой и желанной. Любовь полностью наполнит тебя и ты перестанешь изливать желчь.

Я знала, что на нее это подействует. И она впрямь успокоилась. Точнее вошла в некий экстатический ступор. Взгляд полон прекрасных ожиданий. Мысли далеко отсюда. А я только кивнула себе: вот это я учудила. Так выразилась, да еще напророчествовала. Надо признаться, я точно знала в эти минуты, что говорила представшую передо мной правду.

Проснулась я поздно. Свесила ноги с постели. Болтала ими и силилась вспомнить, почему после вчерашнего празднества я сижу на своей кровати, одна, в своем доме? Может так принято на Востоке, что свадьбу и начало семейной жизни растягивают на длительный срок? Ладно, прежде чем ломать себе голову над этим вопросом, лучше пойти поздороваться с мамой.

В одном пьньюаре, босая, я шлепаю по прохладному каменному полу и мечтаю попить воды. В горле пересохло. День уже в самом разгаре, а чего с ним делать, не знаю. Блуждаю рассеянно по сторонам. Мама, бабушка, брат – все

они заняты своими делами. Брат вообще собирается уезжать в другой город. Дела у него или путешествие – я не спрашиваю. Мне уже с ним так просто не сорваться, как раньше. Я же теперь чья-то жена.

Кругом незастланные постели, мятая одежда раскидана по стульям и на кресле. На круглом столе крупные хлебные крошки и остатки глазированного печенья. Недоеденный шоколад. И в эту минуту вбегает слуга и кричит, что гости уже во дворе вылезают из машин. Как же так? Пустить их в такой беспорядок? Мы все срываемся и наскоро пытаемся моментально все застелить и слегка прибрать. Прибегают еще двое щуплых работников и в моей голове пролетают огрызки мыслей: а откуда в моем доме взялись слуги? С каких пор? Может семья мужа прислала? Хотя тут рабочая сила стоит дешево и мы могли нанять сами…

Едва схвачена и спрятана последняя мятая вещь, как через открытую дверь появляются мои родственники, муж и его родители с кем-то еще. Я пока не познакомилась со всеми их многочисленными родичами и друзьями семьи.

Я извиняюсь, что в такой час я все еще в халате (накинула его поверх пеньюара), и удаляюсь переодеться. Ко мне в комнату заходит мой муж и стеснительно протягивает нижнее белье, черное с бордовыми нашивками:

– Это лифчик в подарок…

– Спасибо, – принимаю и складываю под диван с постельным бельем.

– Мы тебя там подождем.

Он выходит, а я погружаюсь в оцепенение. Какой он? Почему я его не знаю? Нежный он, добрый, страстный или грубый? Должны же были у нас с ним быть отношения? Когда? И ведет он себя так, как будто вчера познакомились. Странно все это и необъяснимо. И с чего вдруг белье дарит? Может у меня сильнейшая амнезия? А в больницу проверяться идти страшно. Вдруг признают сумасшедшей и упекут пожизненно.

Я переодеваюсь и выхожу в гостиную. Свекровь привычно доброжелательно улыбается, как ей подобает вести себя на приемах. Ее единственный отпрыск стоит по правую сторону и скромно поглядывает, хлопая ресницами. Кем он работает? Чем занимается? Я это знала и забыла или… впрочем неловко так пялиться на них и не поздороваться.

– Здравствуйте, доброе утро, – расплываюсь в улыбке, обращаясь к свекрови.

Она прям всплескивает руками и смеется:

– Вот шутница! Второй раз за утро здоровается, – и поворачивается к моей маме: – Сегодня утром они проснулись рано и уже поздоровались. Потом мы сразу собрались ехать к вам. Только что вместе с ней вылезали из машины, а теперь она как будто нас впервые видит. Ой, смешная! Ха-ха. Мне она очень нравится.

Я неловко улыбаюсь и перевожу взгляд на мужа. Его лицо озаряется приятными воспоминаниями прошедшей ночи.

У него, судя по выражению, брачная ночь прошла удачно, а у меня нет, потому что без меня. Хм, как это?

Пока они выкладывают коробки с дорогими конфетами и прочими угощениями, мы с мамой отходим в сторону и она шепчет:

– Ты опять была там и здесь. Я не понимаю, как ты можешь быть одновременно в двух местах сразу, а потом не помнить об этом? У тебя так бывало и раньше, но в последнее время участилось. Не знаю, кто наделил тебя такими способностями, но лучше бы было, чтоб ты из-за таких перемещений не теряла память и саму себя.

Она вернулась к столу, а я облокотилась на подоконник, вперяваясь взглядом в размашистые лапы кокосовой пальмы. Почему я такая? А может то вовсе и не я, а мой невидимый двойник? Никаких сестер-близнецов у меня нет и никогда не было. А вот как я одновременно могу находиться в разных местах – вот это не понятно. Но самое обидное, что помню себя только тут, не там. Вот я же проснулась сегодня на своей кровати. А где-то в это время я или мой дух, или другая оболочка в другом конце города, – проснулась рядом с ним. А он милый, мне очень нравится, только радость от супружеской жизни получаю не я, а она. Может у меня кто-то отобрал ощущения, может кто-то вселяется в мое сознание и живет моей жизнью? Может это та странная репортерша с побережья? Не зря все считают ее странной…

Я выхожу к гостям и сажусь за стол рядом с мамой и му-

жем. Никто не успел убрать стол и я просто облизываюсь на шоколадные крошки. Незаметно для свекрови собираю их на влажный вспотевший палец. У них не принято вести себя по-нищенски, а у меня дурные привычки человека, который слишком долго ущемлял себя в своих желаниях.

Их дом оказался даже слишком большим и просторным. Я тут впервые. И это все стало также и моим. Приятно почувствовать себя господином, важным, богатым, свободным. Огромный тенистый сад, бассейн. Все как в кино. Кремовые стены не слепят глаза. За высокой оградой кипит город. Восточные звуки, гудящие трели машин. Над головой высокое лазурное небо. Нет ни облачка. До муссонов еще далеко. Не сезон.

Я поднимаюсь на плоскую крышу дома и с удивление обнаруживаю, что море совсем рядом. Оно практически плещется о соседствующий с нами форт. Там по пляжу гуляют люди. И мне становится страшно. А если поднимется цунами? Оно сметет нас самыми первыми! Надеюсь, цунами тут бывают не часто и на наш век хватит.

Я медленно спускаюсь и продолжаю осматривать новую собственность. Все же странно, что они разрешили сыну взять в жены иностранку с другим виденьем мира.

Нынешняя комната моя куда как просторнее прежней. Здесь есть все для комфорта и роскоши. Он рядом, обнима-

ет за плечи и любуется мной. Сколько мы так уже вместе, а я все еще его не знаю, даже имени, а спрашивать неловко. Другая моя часть живет с ним, а мне не достаются даже крохи этих воспоминаний. Как бы сделать так, чтобы снова стать как все?

– Пора собираться, – говорит он мягко и целует в висок. – Нас ждет важный прием. Отец уже ждет нас там. Времени не много, а ехать еще на пароме.

Я согласно киваю и делаю макияж. При этом долго не могу найти карандаш и тушь. Меня это угнетает и я боюсь опоздать. И пока я такая нерасторопная копошусь тут, все уезжают без меня. Или со мной, не знаю. Может, поэтому и не проследили, тут я или нет… обидно не посетить пышный прием, где соберутся самые сливки общества, приедет даже премьер-министр, парочка других министров, а моя красота останется меркнуть только для этих четырех стен, пусть и огромной комнаты…

Сколько я пребывала в неизвестности и где? По моим ощущениям прошел день или два. В комнату влетел обеспокоенный мажордом и, вытирая набежавшую слезу, проронил:

– Они все погибли…

Паром сорвало, он наткнулся на затонувшие груды металла от прежних кораблей, или что-то еще. Многие пошли на дно. Моя свекровь и муж тоже оказались погребены в си-

ней пучине. Спаслась я или тоже утонула? Все говорили, что видели меня там в момент крушения, но я-то была здесь, в доме. Как такое могло произойти, я не знаю и спросить не у кого. Я смотрю в зеркало, цена которого больше в разы, чем моя квартира, в которой мы живем с момента приезда в эту страну, и вижу свое отражение. Ну вот ведь я, тут, реальная. Двигаюсь, дышу. И ужасаюсь, что мне не больно от их гибели. Жалко, конечно, по-человески, но нет глубоких страданий. Он ведь был моим мужем, а я его как будто и не любила, и не помнила, и не знала. Нет ощущения пустоты и утраты. Странно только, что вдруг я стала вдовой, по сути, не быв и супругой…

Я вернулась на родину, в свой провинциальный город. Все также серо и скучно. Нет раскидистых пальм, не сверкает вездесущее солнце. Небо тусклое и низкое. Я перехожу дорогу мимо палаток-пекарен. Куры-гриль, слоеные пирожки – ничего не манит и не прельщает. Удивительно, что после того несчастного случая я перестала пропадать и терять свои ощущения. Может на том пароме погибло мое отражение, то, что похищало мою память, мой образ? Я не сожалею, что уже не могу быть одновременно в двух местах сразу, все равно я не получала от этого никакой пользы.

На встречу попалась девочка-подросток. Худенькая, несчастная, в поношеном пальто. Взглянула на меня и спросила:

– А ты тоже так себя чувствовала, когда раздваивалась?

Я удивленно остановилась и кивнула:

– А откуда ты про меня знаешь?

– Я такая же. Я просто вижу таких же, как я. Ты вторая, кто так мог.

– Может ты и знаешь, почему это происходит? – дети иногда бывают мудрее взрослых.

– Да, наверно, – она задумалась и провела носком обуви по грязи, вырисовывая полукруг. – У меня это началось, когда мама бросила папу и они с подругой поменялись мужьями. Теперь мама ждет ребенка от второго мужа. А знаешь, ведь они двоюродные братья, и получается, что мой будущий брат или сестра мне не только родные, но сразу и двоюродные. Смешно, да? А мне кажется, что меня бросили, предали. Наверно потому я и раздвоилась. Но радости от этого я не чувствую. Кто-то живет вместо меня, я только хожу тенью и не знаю, что делать, потому что если делаю, потом забываю или вообще не помню.

– Да, это тяжело, – вздыхаю я и поворачиваюсь спиной к палаткам.

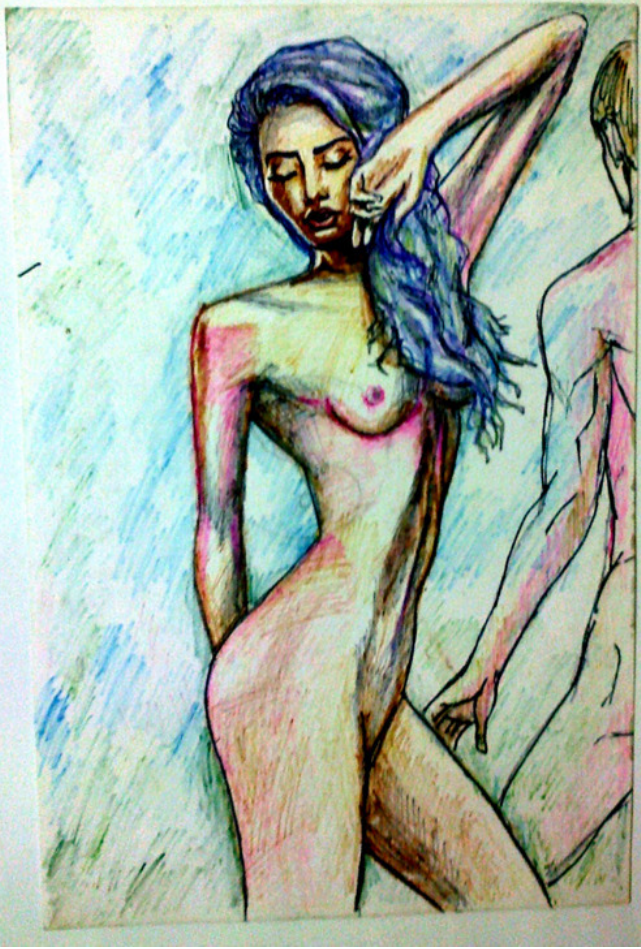
– А как у тебя это прошло? – спрашивает она и заглядывает мне в глаза. – Можешь рассказать?

Я пожимаю плечами и пробую рассказать ей, что помню. Но помню совсем мало и как она объяснила, так не могу сделать. До сих пор не знаю, по какой причине раздваивалась и как.

Мы удаляемся в полумрак осенних прозябших дворов и переулков, туда, где кончается одно воспоминание и начинается другое…

Николь Шерзингер

Эту историю рассказал мне один юноша. Вот она. А я перекладываю ее вам.

«Меня зовут Ромка и в эту пору мне стукнуло восемнадцать. Я слонялся по городу в поисках заработка, но мне ничего не нравилось. И вот к нам приехала с гастролями известная певица, дива rnb Николь Шерзингер. Поначалу горели афиши с ее соблазнительным образом, а я гадал как бы сходить хоть издали глянуть на нее. Но я был на мели, в карманах мыши прогрызли дырки. И от того мне становилось тоскливей и тоскливей. Но чудеса есть. Мне повезло и меня взяли в обслуживающий персонал на ее концерт. Я просто набрел случайно на ссылку в инете, поначалу даже не поверил. Позвонил и пришел. Сказали, что проект короткий, но заплатят прилично для того, кто ничего не умеет, а будет находиться на подхвате. Надо сказать, что я чуть с ума не спятил с радости. Исполнялось сразу несколько моих заветных желаний. Подзаработать, Николь увидеть и заполучить шанс может даже поговорить с ней. До этого я долго лазил по Интернету, разыскивая информацию о ней. В ней была намешана даже русская кровь и это было для меня знаком. Я сходил по ней с ума и воображал всякую всячину перед сном. Нет, не причисляйте меня к толпе фанатов, что торчат на блогах и форумах и тоскуют, вздыхают по ней, шлют друг дружке откровенные ее фото, обсуждают, какая же она роскошная красотка и недосягаемая. Я не отношусь к толпе фанатов, потому что она только для меня.

Я стоял у входа. Мне сунули в руки два непонятных шну-

ра. Сказали, что это для включения музыки. С тем и оставили. Я испугался, так как не знал что с этим делать. Сбегал крикнул кого-то. Но все были заняты и никто не отреагировал.

Стою снова со своими злополучными шнурами, разглядываю их, мну в руках.

И вдруг идет она. Прекрасная, в дорогих одеждах. Я чуть в обморок не упал, голова пошла кругом. Так сильно переволновался. Немного слишком на ней было макияжа. Но и за ним прекрасно выступали ее черты знойной шоколадки. По началу мне она показалось чуть старовата для меня. Но пригляделся получше. Нет же, чуть старше меня, и у нее, оказывается, прекрасные серые глаза, а не черные, как кажут по телевизору. Может это линзы. Да и разница в возрасте у нас с ней невелика. Ей вроде бы двадцать шесть.

– Здрасте, привет… – промямлил я. А по голове будто кто-то молотком дубасит.

Она повела в мою сторону голову. По-моему тоже сказала нечто. От нее так и перло очарование.

Не помню уже и как, мне удалось снова оказаться с ней наедине. Наверно, я просто пристал к ней и не отставал. Бросил эти глупые шнуры в сторону и все оказывался поблизости. На других девчонок из ее команды я почти не обращал внимание. Что поделаешь – срасть все затмевает. Я даже начал строить конкретные планы на ее счет.

На нее, видно, подействовало, что я обращаюсь к ней

не как жалкий фанат, просящий автографа. Я о нем даже не думал. Я не мог оторваться от нее, как от прехорошенькой девушки. Нет, выразился неярко. Как от божества любви и женственности. И чарующей красоты. Я ждал этой встречи все свои годы как будто. И что странно, мы разговорились.

Она казала мне замысловатые карты мира. Их она получала из спец агенства. Эта сводка гиблых мест земли. Ей интересно знать, куда катится мир. Эта география – ее хобби. Потом говорили о еде. Она сказала, что любит в дорогих ресторанах крапиву. Дедушка русский научил.

– О! – воскликнул я. – Да у меня в огороде на даче все зарасло крапивой. Я мог бы накосить тебе целый ворох!

Уж и не знаю, как сказал это так быстро. Дело в том, что я хоть и учился в школе с углубленным внедрением английского, да только особо не применял его. А тут прорвалось. И откуда-то я понял, что nettle это крапива в переводе. Ах да, она произнесла крапива еще и на русском. «Киряпьива».

Я осекся, поймав себя на том, что обещаю ей почти замужество. Она от души смеялась вместе со мной над моим высказыванием.

Потом я невзначай запел: «Ямайка… яма-а-а-а-каа».

– Что ты поешь? – спросила она.

– Это так, ты ведь родом с Ямайки, – сказал я.

– Да. Где-то там. А заметно?

– Да нет. Даже ни грамма не проступает.

Ее вид вдруг изменился. Она страстно-серьезно поглядела

на меня. Оглянулась.

– Ты никуда не торопишься?

Я понял, что меня ждет чудо, о котором я и мечтать не смел. Нет, вру – смел.

– Нет, ради тебя все брошу.

И она повела меня по закоулкам всего этого мероприятия. Туда, где все заканчивалось тремя дверьми. Я подергал. Одна с кроватью и столом была пуста. Но на кровати лежала чья-то черная куртка.

Я подергался в другую. Там был мой наниматель.

– Что ты хотел? – спросил он.

– Ничего.

– Так что? – вышел он.

Мы вдвоем уже скрывались от него в комнате с курткой. Уж лучше это, чем ничего.

Я защелкивал дверь на шпингалет. А он начал рваться.

– Чего ты убежал?

– Товарищ, мне очень надо… Приспичило. Мест других не нашлось. Может съел не то, – я молол напропалую всякую чепуху.

– Кто она? Что за маленькая дешевка? – кричал мужик.

Певица коснулась моей руки. Это значило открой. Я послушно сделал это, глядя в пол.

Менеджер очумел, вытаращив глаза.

– О, а… – выдавил он и утихомирился. Скрылся в своей каморке с ноутбуком.

Николь села на кровать. Я, скидывая шлепанцы, разбирал какой-то хлам, сбрасывал на пол.

И вот она уже облачилась в халат. Я разделся до трусов и майки. Мы легли рядом. Я еще испытывал благоговейный восторг, но уже излучал неистощимое возбуждение тела и духа.

Она оказалась весьма требовательной к себе, но и многообещающе страстной. Сантиметр за сантиметром она распахивала халат, заставляя меня целовать и ласкать ее. Шея, что за дивный запах. Щеки, губы. Потом плечо. Она подняла руку, потому что хотела чтобы я целовал ее подмышки. Изощренное желание. Наконец я увидел ее грудь.

– Только… – и она что-то запретила делать.

Я ничего не слышал и согласно бормотал, а сам делал свое дело. Потом я лобызал ее ноги, бедра. Она как кошка извивалась в неге. Иногда я размышлял сам с собой (что не подобает в таких минутах), что девушке стоило бы чаще мыться. Но это ни в коей мере не остановило меня. Иногда я сравнивал ее со статуей. С красным камнем. Она продолжала что-то мурлыкать мне. Я не верил счастью и показалось, что я сейчас не выдержу раньше времени.

Теперь она казалась мне похожей на Будду. Богохульно для многих слышать такое. Но что поделаешь, я описываю свои впечатления.

Я наслаждался ею таким образом довольно долго и мы не вступили еще в конкретный контакт. Я перестал замечать

время и пространство. Даже ощущение комнаты куда-то исчезло. Все плыло. Мне стало мерзко. Как во снах возникло ощущение, что на меня смотрят. Словно видеть себя голым на оживленной улице.

Какой-то парень сделал мне замечание. Я бросил в него камень. Промахнулся, но вызвал его негодование.

– Ах ты! – и он бросился искать калитку в ограде.

А я, хоть и испугался наказания, все не мог оторваться от моей обожаемой. Она все больше походила на красную запыленную статую Будды, лежащую плашмя.

Наконец я завидел парня и как есть (по моему, на мне были даже трусы) сиганул через ограду, забывая осторожность. Страх спас меня. Ноги нашли твердую ровную опору. Я приземлился как кошка и помчался сломя голову, минуя очумелых прохожих и клумбу с крапивой. Стыдно вспомнить, как я оказался дома.

Спросите меня, а как же певица? Что за статуя?

Не знаю. Все было так, как рассказываю. Может меня чем опоили, обдурманили. И не такая она дурочка, чтоб спать со всякими случайными нищими шалопаями. Может и вправду это была она. Превратилась в камень. Может это была ее сумасбродная забава оставлять в дураках, лобызая камень в парке или на кладбище. Но концерт прошел без меня. Я слышал, что большинство из толпы осталось недовольными. Мол, недостаточно шоу, света. А я убежден, потому что никому не удалось остаться с ней так близко, как это уда-

лось мне.» Ромка еще так гордо усмехнулся.

Позже я замечал его на улице то с одной, то с другой девушкой. Он часто их менял.

Я как-то остановил его.

«Знаешь, – ответил он, – я постоянно вожу их сравнивать и ищу тот сквер. И все думаю, вот станет она статуей или нет. Глупо, думаешь. Нет. Ни одна не сравняется с ней. Кажется, я такую уже не найду. Нет таких ощущений. И сквера того тоже нет.»

Он тяжело вздохнул. Не сомневаюсь, ему подсунули какое-нибудь экстази или что посерьезнее. Я постарался представить его не очень радостное будущее. Что он так и останется одиноким развалиной, ищущим перевернутый памятник Будды время от времени с неистовым рвением и постоянством.

От его слов даже мне почудился сладкий аромат духов этой знаменитости. Неужели и я становлюсь звеном этой цепи? Я перестал общаться с Ромкой, но засел в Интернет и первое, что я сделал, это набрал в поисковике «Николь Шерзингер».

Магазин-призрак

Они пришли со своим отцом.

– Ну, что хотите? – спросил он детей, размахивая рукой по витринам. – Рыбки, сырку, фруктов? Говорите.

Дети задумались. К отцу в гости они приходили не часто после развода с их матерью. Значит, надо и выбрать что-то повкуснее: угощает все-таки. Они с матерью живут впроголодь.

– Ну, выбрали, нет? – нетерпеливо подталкивал родитель.

– Подожди, выбираем. Надо пока посмотреть, подумать.

– Ладно, думайте, а я пока отойду за овощами. Рагу при-

готовим.

Он как-то незаметно улизнул в другой отдел, а брат с сестрой остались у витрины, полной свежей аппетитной рыбы, мяса, колбас.

– А у вас свежая скумбрия есть? – спросила наконец девушка-подросток у продавщицы, стоявшей спиной к прилавку.

Та лениво развернулась и, невидящим взором обводя зал, угукнула.

– Ну свести нам рыбки три.

Продавщица так же лениво потянулась к холодильнику. И подняла голову:

– А может не будете?

– Как это? – оторопели.

– Ну, может, другую рыбу возьмете, не эту?

Они перегянулись.

– А что такого в этой? Другая лучше есть?

– Ну все рыбы как рыбы… Но лучше б вы ее не брали…

Первый раз они видели такую продавщицу. Не хочет продавать. Что за дела?

Встали в тупик, уставясь бессмысленно на шкафчик с полками, полными батонами, душистыми буханками, печеньем, пряниками. По краям красиво висели сушки и бублики.

Вдруг глаз упал и задержался на красивой пышной сдобе. Ромашка, но залитая шоколадной глазурью. Приценились – не дорого. Неизъяснимая сила внутри ребят запросила эту

вкусняшку.

– А скажите, – окликнул мальчик все ту же продавщицу, – вы нам вот эту ромашку продать можете?

Он указывал пальцем, готовый сам дотянуться до нее. Вялая полусонная продавщица сняла сдобу и пригляделась к ней.

– Да, свежая. А вот у другой, – сняла вторую и перевернула, – даже сюрпризик взади прикреплен. Съедаешь плюшку, очищаешь шоколадную глазурь и в этих пакетиках, что вот ту пришпилены (указала покупателям на маленькие мешочки в глазури), вытаскиваешь подарочек. Его еще носить можно.

Брат с сестрой стояли как зомби и не могли оторваться от глазированой сдобы с подарками, не понимая, откуда пришло это желание купить ее во что бы то ни стало.

– Берем, – вырвала из рук продавщицы ромашку и уже разрывала ее руками, скомандовав брату заплатить. Протянула ему половину.

Мальчишка протянул деньги, а продавщица, не менее вялая и аморфная, чем раньше, со стеклянно-мутными глазами, вынула из-под прилавка запыленный и пользованный дивидюшный диск в боксе.

– А это зачем? – спросили недоуменно ребята.

– Это рекламный. Остался. Я его бесплатно даю посмотреть.

– И что на нем? – руки потянулись за халявой.

– Ну, на нем вырезки, отрывки из разных фильмов ужасов, фантастики. Смотришь и какой понравится фильм, потом и покупаешь. Так удобно, чтобы все сразу не брать.

Брат с сетрой кивнули. Не успели моргнуть глазом, как продащица, сонно-заторможенно включила проигрыватель и сунула в него диск.

На экране появилась пустая квартира. Кто-то без головы отсоединился от зеркала и ушел по направлению корридора.

Мурашки побежали по коже. Как живое все. Четкое изображение и странный холодок.

Юноша из кино пошел проверить, в какую сторону ушел покойник. Девушка-подросток обернулась: брата рядом не было. Она только услышала, как он в страхе и от неожиданности вскрикнул:

– Тут полон дом призраков!

Она смутилась: как же так? Он там, внутри видео. И тут же сама вошла в комнату за приоткрытой дверью внутри фильма. Пусто. Никого. Бывшая чья-то спальня. Ничего особенного. Старые линялые розовато-кирпичные обои в цветочек. Овальное зеркало. Диван вдоль стены. И все. Скучно.

Девушка обернулась к зеркалу, чтобы кокетливо поправить волосы и лишний раз взглянуть на себя.

– Боже! – вскрикнула от неожиданности.

В зеркале за ее спиной отразился человек. Женщина.

Девушка резко обернулась и заорала пуще прежнего: перед ней, раскачиваясь из стороны в сторону, стоял живой

труп-призрак.

Она выскочила в корридор и столкнулась с братом.

– Что это? – в один голос закричали они, теряя контроль над собой и тут только увидели за стеной, как через экран, вялую аморфную продавщицу, глядящую на них по другую сторону телевизора, и витрины с рыбой.

Только сейчас они с ужасом осознали, что оказались внутри фильма, в доме призраков-мертвецов.

А в магазин уже вошли новые посетители.

– Интересная, аппетитная рыба. А скумбрия у вас есть?..

За бутылкой кислорода

Чесноков Сережа смотрел в окно и скучал. Перед ним лежала потрепанная книга по истории за девятый класс. Как была раскрыта на седьмой странице, так и успела пожелтеть. На улице мелькали темные тени призраков и редких проплывающих людей среди глыб льда и моря жидкости.

– Сережа, сынок, ты почему не читаешь? Тебе, ты сам говорил, завтра отвечать, – окликнула далеким голосом Любовь Васильевна и он от ее голоса вздрогнул.

– Не охота. Никто не знает, что случится завтра. Вдруг станет еще хуже и тогда не нужно будет идти в школу.

Эти слова растроили женщину. Она отложила вязанье. Незаметная капля скатилась по щеке.

– Ты ведь знаешь, я вяжу этот свитер уже двадцать лет. Как только свяжу, распускаю, и снова заново.

– Да. Я знаю. Это твое хобби.

Они замолчали. У Сережи не было ни отца, ни братьев, ни сестер. Они с матерью жили только вдвоем. Только его дядя Толя работал на ледово-морском промысле: занимался поиском и выдалбливанием замерзших китов и планктона; и иногда навещал их.

– Школа глупая, – снова произнес он, – зачем нам изучать историю? Все прошло. Ничего не повторится.

– Так надо, сын.

– Кому? Им? Мне? Удивительно, но всего тысячу лет назад было все.

Он снова уныло уставился в окно. Призраки, льды и жидкость. Холод адский.

– Нам на уроках кажут фотографии, которым тысяча лет. И мы сидим и глотаем слезы, мама. Тогда было не-бо, ре-ки, смена се-зо-нов, ле-са, джунг-ли, по-ля, – перечисленное он произнес с трудом, по слогам.

– Вот видишь, – она подошла и погладила сына по голове, – если бы не школа, ты бы не знал этих слов.

– Какая разница. Мы с ребятами их совсем не используем. Эти слова. Мы не знаем их значений. Мы видим эти значения через тысячи пикселей, которые преобразуются у нас в сетчатке в плоские разноцветные пятна. И это называют изображениями на фотографии…

Любовь Васильевна повернулась было к своему креслу, но вдруг чуть не подпрыгнула, что-то вспомнив.

– Сережа, сегодня какое число? Забыл? Сегодня же твой день рождения.

Неопределенное радушие медленно расползалось по его умному худенькому личику.

– Да…

Женщина с увлечением начала планировать:

– Сейчас сходишь в магазин, накупишь всякой всячины. Потом позовем твоих друзей и устроим банкет. Значит так: возьми китового брюшка, сыра, колбасы, тортик, конфет. Фруктики и овощи у нас есть. Пока ты ходишь, я начну готовить…

Все, кроме китового брюшка, выдолбленного из массы соленого льда, именовавшегося в стародавние времена океаном, было синтезировано и выращено в колбах и ретортах. По большей части все это продавалось либо в тюбиках, либо в виде таблеток.

И в силу того, что брюшки были натуральные, это сильно радовало Сережу. Тем более, что это было довольно дорогое удовольствие. За добычей китового мяса следили строго и поэтому и речи быть не могло ни о каком блате через дядю Толю. Все покупалось на кровно заработанное.

– Мам, может ты со мной сходишь? – спросил он, одевая что-то наподобие гидрокостюма.

– Нет, Сереж, ты уже взрослый. Сходи один. Ты же знаешь, что в наше отсутствие в дом могут пробраться призраки или полтергейсты и либо покрушат, либо стащат чего, – она погладила его по голове и он немного скис.

Несколько сот лет назад Земля резко похолодела до минус трехсот градусов и это повлияло на параллельные миры. Они перемешались и проявились. Те, кого мы называем умершими, или призраками, и обитатели иных миров стали жить бок о бок с людьми. И как им и полагается, принялись хамить. Законов не признавали. Людям завидовали. Проникали в их жилища и учиняли беспорядок. Позже был принят пакт о мирном сосуществовании. Но случаи проникновений продолжали иметь место.

– Ну включи поле, – хныкнул подросток.

– Ты же знаешь, мы на всем экономим после смерти твоего папы. А поле съедает солидную долю наших средств. Так что, если я не на работе, лучше уж я буду стеречь дом…

Когда он стоял на пороге, Любовь Васильевна крикнула с кухни.

– Ой, Сереж, еще не забудь купи пару бутылок кислорода. А то нам скоро дышать будет нечем.

Сережа с сеткой-сумкой выплыл наружу. Он продвигался в мутном свете неоновых вывесок в обжигающе-холодном жидком кислороде, покрывшем землю. Люди покупали кислород в бутылках, хотя все вокруг было в нем, как в стародавние времена покупали воду, хотя она капала с неба дождем и текла в реках. В бутылках же продают очищенное.

Холода Чесноков Сережа не чувствовал, потому что у него был новый прогулочный костюм модной марки. Все ребята из класса завидовали ему. Подарок дяди.

У поворота, пропустив пролетевшую тонированную торпеду – это гоняет сынок самого богатого человека в городе, – он наткнулся на сидящего нищего призрака. Старик был прозрачен, черен и никому не причинял зла. Иногда, чтобы выклянчить милостыню, он снимал на потеху прохожим свою голову с плеч и ею жонглировал. Иногда, как на балалайке, бренчал на оторванной своей ноге. Потом, естественно, приставлял ее обратно.

– Привет, старик, – пробулькал мальчик.

– О, Серешшка, здароваааа, – прошелестел звуками призрак.

– Расскажешь, как ты за грибами ходил в лес, монетку дам.

– О, это было тысячу лет назад. На земле росла трава. И деревья, знаешь что это такое? Деревья были ростом с… Большие, высоченные. А под ними грибы… Они после дождя хорошо шли…

Сережа грустно кинул монетку призраку и поплыл, медленно переступая отяжеленными ботинками по мостовой или что-то в этом духе. Он передвигался вдоль домов, похожих на огромные цисцерны из-под бензина, или на парники в Швеции, и смотрел.

На перекрестке мутнел розово-голубой рекламный щит с веселым разудалым белобородым дедом в красном: «Счастливого нового года!» А в круглых узких иллюминаторах кафешки, из которых лился яркий свет, виднелись довольные лица людей. Кто-то пришел со своей девушкой на первое свидание. Кто-то отмечает сдатую сессию. У кого-то день рождения в кругу друзей.

«А ведь мне сегодня стукнуло еще один год с тех пор, как я родился, – подумал Сережа Чесноков, – а я ничего путем не видел.»

В торговом центре было полно народу. Горел веселый дневной свет. Пестрели гирлянды. Звучала «Джингл белл,

джингл белл…»

– Дорогие жители города, гости города, призраки города, ну и все, кто выжил, и еще пока живет, – в громкоговоритель звучал шутливый голос, – рад приветствовать вас этим очередным безнадежным вечером у нас в Гранд Складе…»

– Дебильная шутка, – пробурчал под нос Чесноков, снимая в фойе скафандр.

Встав на электрическую каталку, чтобы не разуваться, он медленно покатил в продуктовый отдел.

Выбирая разнообразные тюбики с тортами, он увидел желтый бантик на длинной косичке. Поворот лица…

– Нинка… – прошептал он и как крикнет: – Нинка!

Это была без сомнения Нина Кудрявцева, в которую он как со второго класса влюбился, так и не переставал относиться с нежностью. Не забыл ее даже, когда она вместе с родителями пять лет назад уехала далеко. Он тут же подбежал к ней, а она с радостно раскрытым ртом стояла и держала в руках таблетки «Бананы» и «Апельсины».

– Нинка! Ты вернулась? – он чуть не удушил ее в объятиях.

– Сережка, вот ты медведь. Да, мы только вчера приехали.

– Насовсем?

– Не знаю. Пока да.

– А у меня днюха сегодня. Пошли ко мне. Я пригласил человек десять.

– Хорошо, я только родителей предупрежу. Она нажала

запястье:

– Родительский номер. Мама, папа. Я иду к Сережке Чеснокову, моему бывшему однокласснику, на ДР. Приду поздно.

После этого они быстро закупили остатки и помчались к нему. Любовь Васильевна как увидела симпатичную девчушку, всплеснула руками и потрепала ее по щечке:

– У, какую невесту домой привел. Наверное, она вкусная. Так бы и съела.

Прибывшие к этому времени пара аболтусов услыхали и весь вечер так и величали их «Невеста Нина, ты…», «Жених Серый, ты…»

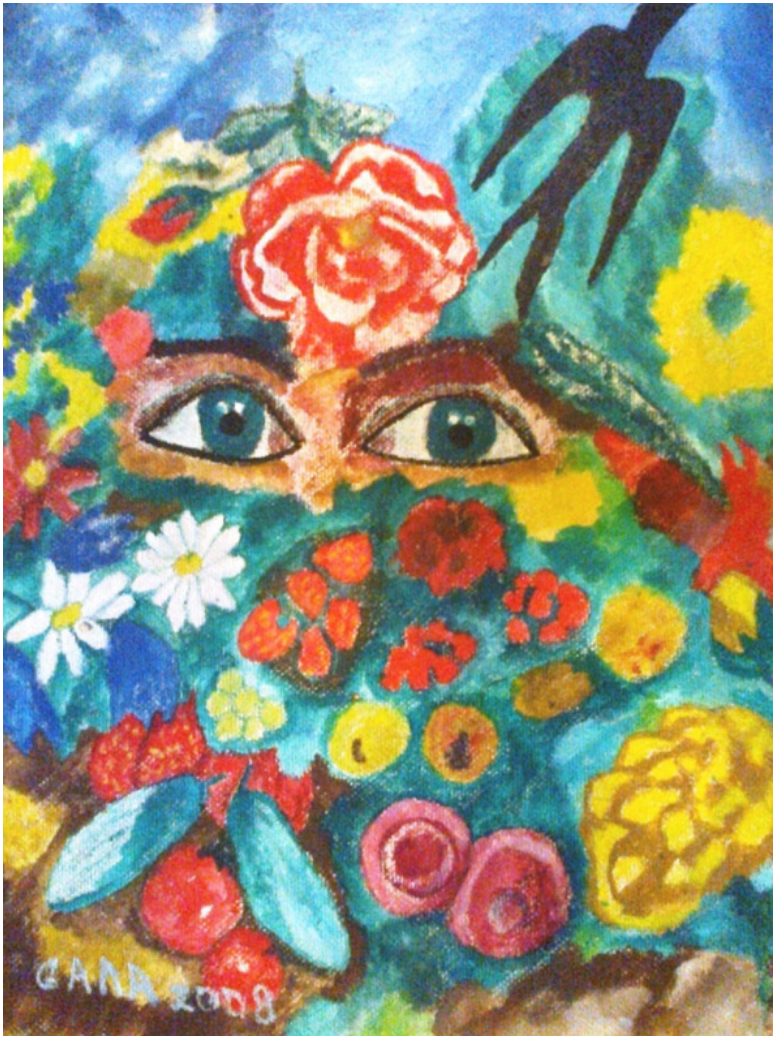
Когда праздник кончился, Любовь Васильевна сказала, чтоб Сережа проводил девочку до дому, а потом вернулся на такси.

Одеваясь и собираясь, подростки шутили, переговаривались, пихались. А Любовь Васильевна смотрела на них, а в особенности на своего сына и на его подружку, и умилялась. А когда они ушли и женщина осталась одна, она вдруг ни с того, ни с сего разревелась и через слезы вставила в распылитель бутылку с кислородом, которую Сережа заботливо не забыл купить в магазине. Потому что воздух заканчивался, гости выпили весь кислород. И им бы сегодня ночью нечем было дышать. Пришлось бы снова идти к соседям занимать несколько бутылок кислорода. Но не отпраздновать деньрождение единственного сына она не могла. Что ждет

завтра? Может оно и не наступит вовсе.

Парк. Девушка. Часы

Девушка в голубом коротком платье и распущенными длинными черными волосами появилась передо мной внезапно. Я кисло просматривал утреннюю газету, сидя в парке, и вдруг в меня вперилось ее веселое и живое лицо. Она мне игриво улыбалась.

GANA 2008

– Молодой человек, – обратилась она, – можно мне с вами посидеть?

Я растерялся:

– Да, конечно, – я был просто ошеломлен: не часто к тебе подходят такие красивые девушки с золотистой кожей. От нее пахло чем-то неуловимо сладким.

– Чем обязан? Это какой-то эксперимент?

– Никакого эксперимента нет, -пожала плечами. – Просто вы мне безумно понравились. И я решила: почему бы и нет. Разве девушке всегда ждать первого шага?

Я хихикнул.

– Почему же. Я полностью согласен с вами. Но давайте что ли перейдем на ты и… как… познакомимся. Я Гарик.

– А я Кара, – она подала руку, а я ухватился пожать. Мягкая, теплая, чуть влажная. Нежная кожа. Я, кажется, поплыл.

– Кара… какое необычно и красивое имя. И созвучно с моим…

– Что, я вам… тебе тоже нравлюсь?

Скрывать не смог:

– Что и говорить, я балдею от тебя. Такие фибры, такая аура. Закачаешься.

Она еще больше обрадовалась:

– Тогда падай на меня… ой! – она смутилась и игриво закрыла рот пальчиками.

– С радостью, – я тронул ее плечо. Мы подсели друг к дру-

гу ближе. От ее близости и тепла у меня закружилась голова. Я заглядывал в ее глаза на растоянии нескольких сантиметров от своего лица. Они, оказывается, черные. Как в песне. Ее дыхание. Фиалки. Мы долго и страстно целовались на глазах прохожих. Ее грудь высоко вздымалась, когда она отстранилась.

– Погоди, Гарик. Что-то у нас это слишком быстро.

– Может, мы созданы друг для друга.

Я уставился в вырез ее платья. Восхитительно. Прелестная шея и тонкие волосики у основания головы. Она перебросила густую копну на один бок для большего соблазнительного эффекта. Я провел пальцем по шее, а потом внюхался в ее волосы. Дурманящий аромат.

Ей понравились мои бицепсы и плечи, и она наглаживала их. В ее нежном взгляде я уловил тревогу.

– Что ты обо мне думаешь, Гарик? Боюсь, как бы ты не подумал чего дурного, будто я так вот пристаю к парням, будто я нимфоманка какая. Нет же, просто… это со мной впервые. У меня никогда не было даже парня. Я весьма стеснительная с этим… робкая. А тут как вспышка. Раз и готово. Знал бы ты как я переволновалась, а вдруг ты меня прогонишь и убежишь…

– Да что ты, Кара, я ничего такого и не думал. И не хочу думать. Я по уши в тебя влюбился. Это, наверно, и есть любовь с первого взгляда…

Она перебила, приложив к моим губам теплый пальчик.

– Нет, это называется внезапной страстью. Мы оба молоды и красивы. Не удивительно, что у нас такое влечение.

– Какая разница? Если мы продолжим быть вместе, видиться, проводить время вместе, то это перерастет, как ты говоришь, в настоящее чувство. Хотя мне кажется, что у нас уже все выросло, – кажется, я ляпнул казус.

Она улыбнулась и спрятала лицо у меня на плече.

А потом мы пошли, взявшись за руки, нашли мороженщика и объедались сладостью как дети, кормили друг друга с рук. И смеялись. Весело и звонко, ни на кого не обращая внимания. Если б я знал, что Кара господняя может быть такой, я бы начал призывать ее много лет назад, будучи юнцом.

Мы гуляли до самого вечера. Кара рассказывала о себе, а я о себе. Помимо этого у нас еще была масса других тем. К концу она притянула меня к себе, поцеловала и сказала, что никогда еще не была так счастлива. Что и говорить обо мне. Я не помнил себя от счастья.

– Когда я еще смогу тебя увидеть. Давай завтра? – я не отпускал ее от себя.

– Конечно, мой милый. Завтра. Я буду ждать этого завтра с нетерпением.

– Ты можешь остаться у меня. Поехали ко мне. Я живу один.

Она снова доверчиво прижалась ко мне и заглянула нежно-нежно в самую глубину глаз.

– Я бы с радостью, любимый. Только не нужно спешить.

Наконец наши руки разъединились и Кара, девушка моей мечты, оглядываясь и посылая воздушные поцелуи, удалилась. Она предпочла позвать такси.

– Давай я заплачу.

– Нет, Гарик, позволь мне быть самостоятельной, – твердо запретила она. Еще раз послала воздушный поцелуй.

Когда машины и след простыл, я все стоял у обочины и, опьяненный, всматривался невидящим взглядом в даль, куда она уехала. Я не знал куда себя деть. Она не захотела давать телефон. Обещала, что завтра мы встретимся на этом самом месте в парке. В это самое время.

Только через полчаса упоительных размышлений я обнаружил, что карманы мои пусты, что у меня загадочным образом пропал кошелек с кредитками, солидной наличкой, паспортом, ключами от квартиры. Пропали даже наручные дорогие часы известной марки.

В первую секунду мне показалось, что мне померещилась пропажа. Я по-дурацки заново себя охлопал и снова ничего не обнаружил. И еще, и еще. Оглядел вокруг, не выронил ли. В следующее мгновение мне показалось, что мне померещилась эта встреча, эта божественная девушка с таким загадочным именем. Я схватился за голову. Может это был сон? Нет, Кара не могла так подло со мной поступить. Она не такая. Не такая. Я встретил ее, ту самую. Боль предательства разлилась по груди страшным приступом. Сердце сжало как клещами. Но я, не боясь за себя, сквозь зубы сыпал проклятья

на ее красивую голову.

Я не знал, что делать. Мне стыдно было идти в полицейский участок. Засмеют. Зачем, дурак, рот раскрыл.

И я почти три часа добирался до дома пешком. У подъезда столпились люди. Громко что-то обсуждали. Увидели меня и кинулись навстречу. Я ничего и никого не слышал. Я был в подавленном состоянии, к тому же я ужасно устал. Я разглядел и полицейские машины.

– Гарик… – пытались достучаться до моего сознания.

Я тупо пытался разглядеть знакомые лица, но не мог. И вовсе не из-за надвинувшихся сумерек.

Я понял, что случилось. Кара, или как она назвалась, работала не одна. После успешной проделанной операции, она со своими сообщниками пробрались ко мне в квартиру, потому что знали, что без денег я вернусь не скоро. Что живу я один. Я сам рассказал об этом. Соседи и полисмен сообщили мне, что у меня квартира ограблена. Все ценное унесено. А потом, видно, они о чем-то поспорили, и ее выбросили с пятого этажа с балкона. Ее труп отскрябали с асфальта и запаковали в черный мешок у меня на глазах.

Я понял, что ни завтра, никогда мы с ней больше не увидимся. Из всей этой истории я жалел лишь об этом. То, что осталось после ее смерти, я не принимал в расчет.

Мне вдруг вспомнилось одно глупое суеверие, кроме того, что меня терзали угрызения совести за проклятия, которые скорее всего на нее подействовали. Она, Кара, украла

у меня часы. Говорят, что нельзя дарить любимым часы. Это к расставанию.

Когда я поднялся к себе, подписав всякие бумажки, я закрыл за собой дверь, упал в бессилии на диван и разрыдался. Мне показалось, что у нас с Карой могло быть нечто хорошее. Несмотря ни на что, несмотря…

Я не сожалел о пропажах. Карточки заблокируют. Даже если не успели, двадцать-тридцать тысяч долларов мне не было жалко. Квартира застрахована. А вот обманутое доверие. Это возвернуть трудно.

Позже, к удивлению служащих, я лично распорядился похоронить ее как следует. Я помню этот день. Солнечный. Двое рабочих с блестящими пуговицами, сверкавшими как звезды, закапывали гроб. А я стоял и плакал.

– О, Кара, – шептал я тихо вместо молитвы, – зачем ты взяла мои часы? Это к расставанию. Разве ты не знала об этом? Разве ты не хотела больше меня увидеть?

– Прости меня, милый Гарик… – услышал я тихий ее голос в воздухе. – Прости, если можешь… Мне очень жаль…

Никто, кроме меня, этого не слышал. Могильщики вытирали лопаты. Дело было сделано.

Я чуть не очумел и приказал им раскопать все заново, пообещав высокую плату. Они посмотрели друг на друга, мол, совсем с горя крыша поехала. Но все сделали. Отколупав крышку гроба, мы обнаружили все те же мерзкие изуродованные останки. Я приказал закапывать и ни о чем никому

не говорить (я сомневаюсь, что они сдержали обещание), сунув по солидной сумме каждому.

Я ее простил, даже цветы первое время приносил. Но с тех пор я больше не ношу часы.

А ее голос нет-нет, да донесется до меня, словно из глубин земли: Гарик…

Живой

Вечерний мегаполис мигал тысячами огней. Шумела в час пик автострада. Суетливо мелькали люди, болтливые и беспечные.

Высокий крепкий человек в черном костюме шаткой походкой выплыл из переулка, держа правую руку на груди. Взлохмаченные волосы, изрядная небритость на разбитом окровавленном лице. Прохожие принимали его за подравшегося бомжа и не обращали внимание. Его затуманенные глаза ни на чем не останавливались, лишь следя за тем, чтобы ни на что не натолкнуться.

«Говорят, что время несет бремя несчастий. Но само время для меня несчатье. Не знаю, что время со мной сделало, я ведь был когда-то человеком…»

Крупный мужчина в обнимку с привлекательной хрупкой особой стоял перед дорогим рестораном, что на Тверской, и подвыпившим голосом доказывал, ударяя себя рукой по груди:

– Владимир Романов, меня зовут как царя почти. На меня столик 43, пожалуйста.

– Извините, но на вас не зарезервировано, – объясняла девушка-хостес.

Романов переглянулся со своей спутницей непонимающе. Затем наставил на хостес палец и спросил:

– Девушка, ты замужем?

– Нет, – замотала та головой, ибо вежливость и этикет прежде всего.

– Точно не замужем, да? А вот я женат, – стукнул себя ладонью по груди в знак немыслимых достижений и посмотрел на стоявшую рядом: – Пойми, незамужняя девушка, это наша с ней первая годовщина. И чья жена настолько красива, как же он не заказал столик?! Ну как? Такого быть не может.

Спутница стеснительно улыбалась. В то же время ей было приятно, что ее называли красивой. Год замужества, а Володя так же страстен с ней как подросток.

Из-за его спины вылез еще более пьяный друг и покачи-

вался взад-вперед, заложив руки за спину:

– Он прав, он прав, – покрякивал в такт.

– Женька Федоров – мой лучший друг! – представлял краснеющей хостес Владимир пьяным голосом.

– Да, а это Настя, его жена, – Федоров обнял за плечи молодую женщину.

Служащая уже улыбалась, но продолжала умолять небеса, чтобы эти алкаши свалили побыстрей, ибо ресторан был респектабельный, даже в перестроечные годы не растерял своей привлекательности для иностранцев.

– И я скажу вам, – все еще крякал Женька, – она сделала огромную ошибку, что вышла замуж за моего друга. Ладно, брак-то это правильно, я тоже собираюсь… и не беспокойтесь, мой друг абсолютно понятливый пацан, – он икнул и загыгыкал. – Смотрите, Вовка, сотвори улыбку. Гы-гы-гы

– Извините, господа, мне надо спросить менеджера.

– Менеджера? – закричал Романов. – Зачем спрашивать менеджера? Когда я женился, я разве спрашивал менеджера?

Настя поглядывала наверх, покручивая локон своих шикарных длинных каштановых волос.

– Чтоб заказать столик прямо сейчас, например, зачем мне спрашивать менеджера, чик и столик заказан, так ведь? – доказывал муж, вгоняя ее в краску.

Довольный Федоров, улыбаясь во все лицо, помогал:

– Я знаю точно, мой друг зака-а-зывал столик.

– Э, погоди, Женек, ты заказывал!

– Извиняюсь, – Федоров кивнул хостесу и повернулся к другу. – Годовщина свадьбы у тебя? Правильно?

– Ну.

– Это твоя жена Настенька? Правильно?

– Тоже правильно.

– Тогда с чего это я должен резервировать столик? – Федоров вытянул губы и перекорчился.

– Тоже, блин, правильно, – автоматически мотал головой приятель.

Анастасии надоело пьяное пререкание.

– Стоп, стоп. Юноши, прошу вас заткнуться, – она развела их руками. – Давайте пойдем в другой ресторан, или я просто ухожу, а вы оставайтесь.

– Не, не котенок… – бросились они оба ее удерживать. Вернулись к уже было облегченно вздохнувшей хостес.

– Ну ладно, убедили, где там ваш менеджер?

– Господа, какие-то проблемы? – появился в дверях солидный костюмчик.

– На них не заказан столик, но…

Федоров начал гнуть пальцы:

– В Москве зачем мне какой-то заказ?

– Эй, – останавливал приятеля Романов. – Чтоб посидеть в ресторане, а особенно в таком, – обязательно нужно заранее заказать столик.

– Какой заказ? Я тут дела верчу-кручу… – продолжал тороторить свое Федоров.

– Такой заказ! – махал на него рукой Романов. – Ладно, давай спросим у менеджера. Послушайте, как вас там, пожалуйста, поймите его, поймите, он, мой Женек, бестолоч…

Менеджер оказался куда дальновиднее своей подчиненной: дурачье-нувориши пришли сорить деньгами – и поэтому быстро согласился:

– Хорошо, господа, проходите за столик. Следуйте за мной.

– Ой, спасибо, спасибо… вы так…

Через минуту они втроем весело смеялись, потешаясь над своей шуткой и капризом.

– Вован, круто мы прикольнулись. Они и правда подумали, что мы вдупель пьяные.

– А как мы тогда…

– Нет, вы слишком много играетесь, правда, – недовольно отругала женщина молодцов.

– Любимая. Спроси его, в школе мы были такие же, и сейчас мы остаемся весельчаками. Это так забавно. Зачем менятся? И тут ничего плохого нет. Мы никого шутками еще не убили.

– Ага, – она уткнулась в меню.

– Да, ему актером надо было стать. По ошибке стал компьютерщиком. Как Певцов, что ли, или Харатьян стал бы известным, не меньше. Если бы он пришел в кино, Дима бы фьить! Вован бы всех затмил.

– Ладно, ты сегодня в Астрахань уезжаешь. Меня остав-

ляешь.

– Да, брат женится.

– Вот, вот, а не ты.

– Э, так ведь…

Тот цикнул.

– Слушай, брат, это не по твоей воли происходит, а друг появляется по желанию. Что важнее: желание или неволя? Поэтому давай, никуда ты не поедешь. Не пускаю.

– Насть, – Федорову понадобилась ее помощь. – Смотри, ему хорошо бы быть актером, да?

– Ой, ребята, кончайте. Я из-за вас голодная сижу. Заказывайте наконец. Они еще полчаса будут готовить. В таком случае я вообще помру.

– Милая, – потянулся муж, гладя ее по голове.

– Нет, ну зачем он не стал актером или поваром? – пошутил друг.

– Погодь, Женек. Это моя годовщина. Пожалуйста, давай удовлетворим желудочную потребность моей красавицы.

– Да, любовь вещь великая, – филосовски замотал головой Федоров. —Я бы вот тоже влюбился бы как не знаю кто в такую же.

– Эй, и не стыдно тебе? – пристыдил Романов в шутку. – Я же рядом.

– Стыдно, Вова, стыдно. Глядя на Наськино лицо, хочется убежать от искушения.

Она хихикнула.

– Женькин, ты меня плохо понял, – Романов изображал ревнивца.

– Так и не говори дурного обо мне. Если мой батя узнает, спать перестанет. А он уж печется о чести семьи. Я чужих жен не отбиваю. Это колеблет наши семейные устои.

Трое засмеялись.

– Не понимаю, с кем вы вообще дружить можете? – всплеснула руками, мужчины продолжали смеяться.

– Мы тоже не понимаем.

– Зато, Женя, я мою женушку прекрасно понимаю. Извини, милая, – с этими словами он полез открывать шампанское. И пробка, звучно пукнув, взлетела и ударила потолок.

– Уау!

– Это не честно, Володь. У тебя такая классная дача. С выходом к речке, – Федоров обвел рукой в сторону двухэтажного дома с беседкой, мангалом, банькой, взращенным палисадничком. И все это находилось в пятнадцати минутах от МКАДа. Они восседали на краю подмостка.

– Шикарно! Одно слово. Я вон вижу ты и фонтанчик разбить хочешь. Не, не честно, – друзья бултыхали ногами в теплой воде и пили пиво. Настя переодевалась внутри после ресторана и душного города. – К тому же у тебя есть такой красавец-умница друг как я, такая шикарная красавица жена.

Они теперь и правда были подвыпимши и языки их ворочались лениво.

– А у меня что? – Федоров обвел мутным кислым взором мирно бегущие воды.

– Иди-ка сюда ближе, – поманил пальцем Романов. Они приблизились. – У тебя есть твоя дурацкая судьба.

И заржали. Романов закинул ногу на колено.

– Женек. Я думаю расширять свою фирмочку. Как думаешь?

– Ты мне скажи одну вещь. Ты правда решил заморочить себе голову бизнесом? Если развиваться, следить надо за всеми. Два офиса – две головы тебе надо иметь. Все воры. А сейчас пора такая. В стране черти что. Одни бандюки. Все хватают и хапают почем зря. Я бы, наверно, оставил одно отделение и хватит. Или еще лучше: взял бы да и работал в какой-нибудь солидной компании. Уж не мне с твоими способностями тебе говорить -любая фирмочка тебя нарасхват. Зарплата хорошая. Почти никакой ответственности.

– Ну что ты говоришь? Я почему у тебя денег беру, наверно не за тем, чтобы лишние железки закупать, а начинать настоящее стоящее дело. А ты тут мне – солидная зарплата.

Тот только угукнул. И отхлебнул пива.

– Да. Ты прав. Если идти дальше – большая прибыль светит. Наверно как у Неклюшева, выпендрежника с палатками на трех вокзалах.

– И даже больше.

– Как это?

– Потому что у Неклюшкина твоего нет такого классного

друга, как ты, – они чокнулись бутылками.

– А, подкольнул меня! – по-дружески засмеялся Федоров, хлопая себя по бедрам. Потом посерьезнел. – Ты, случайно, приколами не занимаешься, как раньше? – спросил и оглянулся по сторонам. Романов замотал головой. – Ты помнишь еще девчонку из школы? А? Мне кажется, ты из-за шумихи свалил сюда. Твое имя тоже ходило вместе с ее. Мне тогда все понравилось, а ты? Фьюи! – присвистнул он и мужчины засмеялись, поняв друг друга.

– Женька! – позвала Настя с веранды. – За тобой такси приехало. На поезд опоздаешь. Давай пошевеливайся!

– Скажи мне, – глядя в ее сторону, молвил Федоров подозрительно. – Почему твоя жена хочет выставить твоего лучшего друга?

– Ничего, – подмигнул тот. – Когда сам женишься, узнаешь.

– Ты, Вовик, такой домашний стал, скучный, – укоризненно заметил.

Настя уже подошла и с улыбкой обняла мужа за шею, облокотившись о его плечо.

Федоров откровенно пожирал фигуру женщины взглядом.

– Ну до чего ж хороша! Ей-ей! Просто слюни текут.

Она кокетливо хихикнула.

Федоров помотал со вздохом головой.

– Сейчас уеду в четыре часа. Поглядим, кто у меня в судь-

бе. Надеюсь, еще лучше Наськи, – и прыснул со смеху.

Успокоившись, посмотрел на Владимира в обнимку с женой, которая на десять лет младше его.

– А ты – бездельник, Володя.

– Я? Почему? Я целый день Наськой занят, а говоришь небо зря копчу. Ха.

– Какой бездельники? – влезла жена. – Только на днях купили домик. Здесь еще все осмотреть надо. К дому полно еще чего покупать придется.

– Еще в магазин не ездили капитально?

– Ты, Женька, должен был нам все купить!

– Я?!

– Да. Ты тут бываешь, ты закупки на свои и делаешь, – Владимир воткнулся лицом в руку жены. – А я со своей Настей побездельничаю.

– Да, – подтвердила она, прижимая голову мужа к себе.

Федоров завистливо замычал.

– Кажись, я завидую вам. И от этого поезд мой с рельсов сойдет.

Супруги усмехнулись над фаталистичностью друга.

– Нет, Женя, кроме твоего толстого маленького папаши, с тобой никакой катастрофы не случится.

Тот отвернулся, глядя на реку.

– Ладно. Пора уходить. Не охота, конечно, – в лице появились следы печали. – На годовщину позвали – спасибо. Не забудьте и на развод позвать, если что.

– Да, да, обязательно, – закивал козырьком бейсболки Владимир, – сплюнь, мы вечно вместе будем.

– Давай, давай, – замахнулась в шутку Настя. – Иди уже.

Друзья привстали, пожали руки, крепко обнялись.

– И с ней? – указал пальцем Федоров.

– Перебьешься, – шутливо-угрожающе буркнул Романов.

– Ладно, потом как-нито.

Все трое направились к дому.

Ветер раздувал деревья, но было все еще тепло. Настины волосы трепались как парус. Она стояла на веранде и набирала номер.

– Алле?

– Здравствуйте.

– Могу я поговорить с доктором Серовой?

– Да. Я вас соединяю.

– Доктор, это Анастасия Романова. Я звоню узнать результаты теста на беременность.

– Да, Настя. Поздравляю. Ваши результаты положительны. Уверена ваш муж очень обрадуется.

Женщина была на седьмом небе от счастья. И стала еще красивей.

– Конечно, мы оба счастливы. Спасибо доктор, – рот не закрывался от радости. Она взглянула вдаль на берег, где рыбачил муж. – Сейчас мчусь, все ему расскажу.

Она повесила трубку и помчалась в обход к берегу. По пу-

ти остановилась, прихорашиваясь, перед зеркалом. На нее взглянули счастливые глаза будущей матери.

Грудь высоко вздымалась от радостного волнения. Они оба надеялись стать родителями: Володя очень просил ребенка.

Выбежав на тропинку к мостику, Настя затормозила в растерянности. Володи тут уже не было. Только что видела его с веранды, а теперь нет. Куда он мог запропаститься?

Подбежала ближе. Брошенная удочка. Банка с червями. Ведро для улова. Газета. Но не их хозяин. Никакого следа. Что случилось с ним?

В пустом, черном, слабо освещенном коридоре послышались дерзко стучащие по бетонному полу шаги. Остановились у металлической двери. Белые, с узкими носами на ковбойском каблуке, мужские сапоги ударили по задвижке внизу. В открытое отверстие протиснулся поднос – тарелка с пловом и чашка чая. Сапог хотел уже так же запирать створку как печную, но тут изнутри протиснулась рука и змеей обвила ногу, пыталась ухватится за узкий лакированный носок.

– Постой, друг! – раздалось умоляющее. – Друг, пожалуйста, не запирай дверку, – рука начала отчаянно сопротивляться ноге. – Не запирай! – нога яростно отпихивала. – Сколько вы еще меня продержите взаперти? Три месяца прошло, друг, брат, пожалуйста. Я не могу больше! Скажи, в чем

я виноват? В чем вина? Что я сделал, друг? Пожалуйста, пожалуйста! – голос доходил до отчаянного исступленья. – Друг, друг! Пожалуйста! – сапоги уже устали выслушивать очередные вопли. – Сука ты, падла! Открой! Выпусти меня сейчас же! Ты, иди сюда! Сам внутрь, – голос начинал реветь и борзеть. – Ты хочешь драться? Давай! заходи в камеру! Иди дерись со мной, тварь! Козел!.. – сапог пинал створку. – Друг! Ну! Пожалуйста! – створка собралась захлопнуться. Напрягая мускулы, рука вновь ее отдернула. – Ладно, я спокоен. Друг! Ладно, ладно. Прости, извини! – голос начал снижать тон. – Прости, прости, я не буду кричать. Правда. Друг… – нога смягчилась. Створка не стала затворяться. Узник притих, но руку не убрал. – Брат, я простой компьютерщик. У меня маленькая фирмочка. Я никому не перебегал дорогу. Ни с кем не ссорился. Друг, выслушай меня! – узник плача, поперхнулся. – …Пожалуйста… Друг, скажи, что тебе… вам нужно? Что нужно? А? Моя фирма? Берите! Я все отдам, что имею. Деньги? Сколько? Я соберу. Дам, все отдам, друг! Только освободите меня! Пожалуйста, друг… – высунулась вторая рука и молитвенно сложились ладони. – Пожалуйста, открой дверь! Пожалуйста, умоляю! Друг! – последнее слово пошло приглушеннее, ибо нога все-таки захлопнула задвижку наглухо. И маленькое окошечко в двери скрыло узника, который продолжал вопить, умолять за металлической дверью.

Владимир еще раз пихнул ладонями безмолвное железо,

лежа на животе. Быстро поднялся и со всей своей медвежьей силой крупного здорового мужика громыхнул по двери.

– Откройте дверь, скоты поганые!

Но все бестолку. И он только безнадежно пинал неподдатливую дверь и повторял одни и те же слова: «Выпустите меня!»

Устав, схватил с пола поднос с едой и швырнул в то же железо.

– И жратву свою поганую заберите!

И снова как раненый зверь бился кулаками и всем телом.

– Откройте дверь!

Невыносимая мысль о заключении давила на виски страшной силой. Казалось, его голова вот-вот разлетится на куски от ужаса, но так не происходило.

Так, в очередной раз, мужчина бился до рева, до одурения, до слабости в мышцах, а потом сползал на пол, беспомощно съеживался и рыдал. И если приподнимался, то вновь ударял слабыми беспомощными руками и тупо повторял одни и те же призывы и мольбы.

Черные стены, черный потолок, черная одежда на нем, и всегда горит мутный, в одну лампочку, свет.

«Если б мне тогда было известно, что так я проведу пятнадцать лет в заточении, то стала бы моя боль от этого меньше или тяжелее?

Приходил новый день и в дверную щель вновь пихали под-

нос с едой. В безутешном горе я сидел у стены на полу и безучастно взирал на все это.

И приходил новый день. И опять звук задвижки и летящий к моим ногам поднос. И опять в следующий день тоже полетит поднос. И еще. И опять тоже самое. Иногда поднос подпихивала знакомая нога. Я перестал следить за этим.

И я медленно залезал на кровать с подносом. Размазывал по стенкам тарелки жирные рисинки прямо руками. Выбирал морковь. В кучку складывал лук. Куда мне было спешить? Единственное мое развлечение.

На другой раз я складывал в кучку мясные кусочки. И потом считал их. Один. Два. Три. Десять. Сто. Пятьсот…

Я сравнивал их по цвету, по степени зажаристости, по размеру. Придумал типажи кусочков… проклятых!

Всегда равные порции. Всегда четкий состав. Строго по рецепту. Всегда один и тот же вкус… проклятого плова!

И чашка теплого черного чая с сахаром. Никогда не больше сахара и не меньше.

Для разнообразия я ел иногда в углу на полу. Иногда сидя или полулежа на кровати. Иногда кровать служила мне столом и я на коленях перебирал рисинки, считая их. Загадывал желания. Гадал. Если рисинок сегодня четное количество, меня выпустят через три дня. Если нечетное, значит уже сегодня. Но сколько бы их не оказывалось, проходил день и три, а меня не отпускали и никто со мной не разговаривал. И мне иногда становилось жутко тупо от влетаю-

щих к моим ногам подносов, словно это происходило каждые пять минут. Видно, остальное время я сидел, уставясь в одну точку, и отключался.

Дни шли за днями. Ржавая задвижка. Я ненавидел ее. Иногда даже больше риса. Потому что именно она, проклятая, отделяла меня от свободы. Она скрипела и визжала, подчиняясь лакированным сапогам. А эти гнусные каблуки, словно молотком отдавались по моей голове.

И опять это все приносило мне одно и тоже – жареный плов. Никогда я не мог подозревать, что можно ненавидеть плов. Иногда он мне казался совсем живым. И я ненавидел его, вместо того, чтоб ненавидеть тех, кто его приносил. Я намазывал жир на палец и выводил на стене всякие пахабные слова. Потом, засыпая, долго хихикал над ними.

Не знаю, что уберегало меня от самоубийства. Я хотел смерти и боялся ее. Удивляюсь, каким чудом я не сошел с ума, хотя что-то все равно щелкнуло.

Но плов… рис с маслом, жиром, мясом, морковью и луком, этими противными приправами… Утром, вечером, днем. Каждый день. Я смотрел на него и плакал. Смеялся и плакал. Меня трясло от него. Везде, всегда плов! Если бы он был живой, я бы казнил каждую рисинку. Я бы делал им каждой маленькие виселицы и вешал на тоненьких ниточках! Я бы раздирал мясные кусочки на их проклятые волокна – четвертовал бы их, а потом отплясывал на их сдохших молекулах. Я бы топил в унитазе морковины, а потом с по-

бедным гиканьем прыгал бы рядом, поплевывая сверху. Я бы мочился на луковые выжаренные перышки и покрывал их матом. И я так и делал. Каждый день. Со всеми! Но этого мне было мало. Я смазывал себе голову маслом и кричал диким воплем. Я грыз зубами алюминиевую тарелку и колотил ею об стены. Срал ехидно на подносы и вышвыривал обратно за дверь через поганую щелочку, а в чашку наливал мочи. Но и это не заставило дверь отвориться. Я не слышал даже мата в ответ за дверью. Облезлые выродки! Они не дали мне шанса даже насмеяться над ними.

Иногда я даже уставал плакать. Глаза щипало. Веки набухали. Я боялся выплакать глаза и ослепнуть, потому что я надеялся когда-нибудь увидеть, чьи же это сапоги и порвать его на куски. Я чувствовал, что прошло лето, холодная осень. А сапоги не менялись. Что за дебил? Почему у него такая поганая привычка не менять обувь по сезону? Он и в гроб в них ляжет? Да! Однажды я помогу ему туда лечь. Обязательно! Клянусь всем, на чем держится этот мир!

Опять скрип задвижки. Поганый плов. Невыносимо! С размаху я швырнул о дверь. Рис разлетелся по всей комнате. И я прыгнул на кровать и прислонился к стене. Минута, две, десять, полчаса. От нечего делать сосет в желудке. Рис ехидно поглядывает с полу. «Поел? Утрись.» И утрусь!

Сползаю на пол. Нерешительно притрагиваюсь к самой большой кучке и как собака запихиваю в рот. Наклоняюсь ниже и ртом собираю остатки. Потом долго медленно пол-

заю от стены до стены в поисках каждого зернышка. Пить придется вечером. Хотя я и не хочу. Во время этой поганой трапезы я чавкаю, прислушиваюсь к своим звукам. Облизываю пальцы.

Однажды утром обнаружил на столе черно-белый телевизор с двумя каналами. Рябил. Но меня это уже порадовало: хоть какая-то связь с миром.

Не помню сколько, но сутками, не отрываясь, пялился во все подряд программы, боясь упустить хотя бы слово.

Как назло, канал был самый паршивый. Казали только мир животных, кулинарные передачи, в первой из которых показывали как готовить плов. По другому крутили без перебоя дебильные нудные сериалы, мультики про киборгов. И в конец мне это так осточертело, что я стал относиться к телевизору с чуть меньшей ненавистью, чем к рису и задвижке. Я не швырял его об стену, ибо я ел поганый плов и слушал проклятую миллиард раз ржавую задвижку…

Но больше всего мне не давал покоя красный круг. Неоконченный. Напротив моей кровати. Но он был единственный не черного цвета. Я часами стоял и ломал голову зачем он здесь, что он означает. Пытался заглянуть в его прошлое.

Красный круг. В Буддизме говорится, что когда ты появляешься в чьей-то судьбе, это остается записанным, и это место, где вы встречаетесь, называется красным кругом.

Ты, мой тайный враг, ведь хочешь сказать: «Я жду,» –

не так ли? Да, я стал говорить с ним. Это заменяло мне общество. Ненависть поддерживала желание жить.

Когда же у меня появляется желание побриться, в комнату пускают сизый газ. И я чувствую, что он мне опасен. Я теряю сознание. А когда снова прихожу в себя, вижу, что я чистый, свежий, побритый, подстриженный, в чистой одежде. Постель сменили. В комнате прибрались. А голова ужасно болит, трещит и я как пьяный. А на руках нахожу следы шприцов. То ли кровь брали, то ли укол делали.

Однажды снова они проделали со мной все это. Черный сон со вставным раздвижным сюжетом не давал мне покоя. Я входил куда-то, и снова нужно входить. Сквозь все это я услышал призыв.

– Володя.

Я продолжал глупые вхождения.

– Володя, – голос был тихий, печальный, родной. Последнее заставило меня оторваться от своего занятия. Я обернулся…

Поднимаю тяжелую голову с подушки. На кровати кто-то еще. Посмотрел. В ногах сидит вся белая моя жена. Волосы распущены. Платье пестрое, мое любимое.

Но я встрепенулся от неожиданности. Она была так реальна, как будто я не спал. Да, я проснулся. Что она тут делает? Неужели ее засунули ко мне и теперь мы проживем остаток жизни в этой конуре вдвоем? А наших детей тоже сунут

в такие же камеры. И это поганый эксперимент.

Глаза ее грустные смотрели будто прощались. По ее мраморной щеке покатилась странная черная слеза. А на шее я разглядел красную нить.

Настя сидела безжизненно. Руки, как пришитые, лежали на коленях.

Я подсел к ней ближе, все еще сомневаясь, что она могла здесь появиться. Чтобы не напугать прекрасное виденье, осторожно протянул к ней руку. Коснулся щеки, волос. Таких, как раньше. Только щеки чуть холодней. Чуть потянул к себе.

– Настя.

Она даже не взглянула. Глаза стеклянные. От красного ожерелья потекли ручейки.

Вдруг с мерзким хрустом ее голова отломилась и покатилась по одеялу. Я в ужасе вскочил и, цепляясь в кирпичную кладку стены, вжался в угол. Не мог дышать. Не мог вырваться отсюда. Тело ее грузно повалилось. Кровь заливала постель.

Я дрожал и скрябал ногтями камень. Секунды через две, едва моргнув, все исчезло. Меня трясло. Язык отнялся. Не мог даже кричать. Только холодная стена давала мне мрачный приют у себя на груди.

Весь следующий день я сидел у кровати на табурете и смотрел на то место, где была жена. Я не мог сидеть, лежать

на кровати. Мне все еще казались пятна крови и холодное тело. Мои пальцы еще чувствовали ее кожу. Кончики просто горели этим ощущением. Я мотал по-идиотски головой и тер темечко. Мысль неотступно била в висок: «Настя мертва, Настя мертва. Ее больше нет.»

Чтобы не сходить с ума дальше, я оставил телевизор гореть. За спиной я услышал слова, все более явственно осознавая их смысл:

«Криминальные вести вечера. На Лосиновой улице в доме номер четыре обнаружено тело женщины. По данным соседей, она жила одна. Ее муж Владимир Романов пропал год назад. Вчера ночью он неожиданно вернулся. Между супругами возникла ссора, в ходе которой Владимир Романов нанес жене невероятной силы удар топором и обезглавил, криминалисты обнаружили его отпечатки пальцев на орудии убийства и на стакане с водой. Так же он оставил свою одежду, испачканную его же кровью, и сбежал. Владимир Романов объявлен в розыск. Всех, кто располагает какими-нибудь сведениями о нем…»

В ушах у меня зашумело. Обессиленный заточением, я даже не смог в эту минуту нормально выплакаться, ибо я пролил столько слез, что мои глаза не справлялись. И теперь я плакал почти что в один только голос. Они убили ее. За что ее-то? Она-то точно ни в чем не виновата. В душе что-то порвалось. Она пришла прощаться со мной. Верно, они после смерти знают больше нас. Нашла меня. И я решил, что она

пришла за мной. Я захотел догнать ее.

В бессильном бешенстве я швырнул стакан, что подвернулся под руку и угодил в маленькое зеркало на стене.

Когда я это сделал, идея созрела в голове. Я подошел к разбитому стеклу. Отломил большой кусок и, нисколько не колеблясь, полоснул по руке. В исковерканном отраженьи я видел подавленного, опухшего от терзаний человека с закушенной губой. Они смогли меня раздавить и высушить. Теперь у меня не осталось ни боли, ни страха, ни сожаления.

Я повернулся и посмотрел в маленькую камеру. За мной постоянно наблюдали. Первое время я отрывал ее и крошил. Потом паясничал, оголялся, показывал неприличные телодвижения. В ответ никто не отвечал. И мне надоело. От недостатка человеческого внимания я перестал крошить этот чей-то глаз. Я его ненавидел. Ибо мне нужно было что-то испытывать.

Теперь, глядя в камеру, я ощущал, как по ту сторону кто-то радуется моей кончине.»

После очередной газовой подачи пришли люди в масках. Они положили узника на целофан и поволокли, оставляя на полу кровавую колею от двух запястий. Кинули тело на кровать и начали умело зашивать грубыми нитками раны.

«Очнулся я от рези и ломоты во всем теле. Попытался поднять голову. Она бессильно падала. Руки онемели, колют.

Неужели я снова здесь? Они мне даже умереть не дали. Я посмотрел на забинтованные запястья. Ну почему? Что им от меня надо? Молчаливое око камеры вперилось ожидающе в меня.

Им мало моего тюремного заточения. Их жестокоть была в том, что они оставляют меня невредимым. Не дают мне покончить с собой и с этим кошмаром. Они заставляют меня жить этой червячной жизнью и мучаться. И я знаю, тот, кто не дает мне умереть, хочет встретиться со мной.

Я поплелся от камеры к столу в углу. Сел на табурет. Зажег лампу. Для развлечения они оставили мне блокнот и ручку с карандашом.

Нет, мой мозг не хуже твоего. Моя память не меньше. Я в себе. Ты не сможешь сделать из меня куклу!

Я вспомню его имя! И я стал записывать в блокнот свои ощущения. Свои воспоминания.

Все имена тех, с кем я когда-либо имел какие-то отношения. Каждого человека, которому я сделал что-нибудь плохое. Все, что смогу.

Я распрямил скрепку. Пересиливая боль, проволокой я царапал кожу себе на кисти руки.

И еще я запишу свои мучения, чтобы не забыть их потом. Они тоже не слабее твоих, что бы я не совершил.

Отныне у меня появились занятия. Цель и стремление жить. Я вспомнил своего любимого героя, которым зачитывался в детстве. Граф Монте-Кристо. Разве мог я тогда поду-

мать, что моя судьба с ним в чем-то повторится. Ни я, ни он не знали, за что сидим. У него был друг, старец. У меня же – телевизор и мой блокнот.

Неужели мне понадобится столько же, чтобы выйти и отомстить? За потерянное время, за страдание, за Настю.

Иногда я записывал. Иногда сидел у стены спиной и не заметно от камеры железякой скрябал вдоль кирпича. Когда-нибудь я надеялся его отковырять и посмотреть, что же за стеной.

Дни шли за днями. Я отмечал на руке шрамами года заточения. Один год-одна черта проволокой по коже. И каждый день я подходил к красному кругу, часами пялился на него и вопрошал: кто ты? Кто? Когда мы встретимся? Сейчас ты тоже меня ждешь. Встретиться лицом к лицу.

Но сейчас я не просто буду ждать это время. Я буду готовиться к нему. Только для тебя. Для тебя.

А на руке уже четыре полоски. И кирпичик стал чуть рельефнее. Скоро я выбью его и увижу, что же там. Я начал бить в стену как боксер.

Моя злость, мое тело, мое сознание – они все зацементировались. Я не боялся ударить кулаком со всей силы по стене, не боялся раздробить кость. Потому что я стал железным.

Руки не чувствовали боли. Кулаки вышибали кусочки кирпича или это так мне казалось. Я ожил. И когда лязгал засов и подлетал снизу поднос с едой, я отрабатывал удары, повторяя про себя: я обязательно тебя уничтожу! И я не смот-

рел на окровавленные костяшки. Я передыхал и снова колотил стену.

А сапоги. Они обновились, но оставались все того же фасона и похожей окраски. Какой же он дурак. За четыре года не изменил свои вкусы.

В это время, когда я существовал в четырех стенах, мир терял своих кумиров. Меня это не трогало. Я терял свою жизнь. И сидел перед телевизором. Сидел и осознавал скоротечность времени. Даже тут, в четырех стенах, она начала пролетать незаметно.

В одном из дней казали фильм про самураев. Я подумал: почему нет? Я могу сам научиться еще владеть не только кулаком, но и мечом. Отодрал беспощадно от табурета ножку (все равно придут и заменят) и посвятил ее в мечи. Глядя на экран, копировал их движения. Сначала делал медленно, не отрывая взгляда. И мне понравилось. Я даже в детстве игрой в войнушку так не увлекался, как сейчас. Намахавшись моим мечом, я разорвал простынь и намотал ее на руки. Теперь еще сильнее и остервененнее дубасил по стене кулаком, локтем, кулаком… До пота, часами, до дрожи в ногах, до тряпья.

А по телевизору шла война в Чечне. Вместе со мной словно воевал весь мир. Мир менялся. Все менялось. И опять приходили мысли о безвозвратности потерянной в четырех

стенах жизни. Без света солнца, без ветра, без воздуха, без живой человеческой речи. Без смены сезонов, без зеленой листвы и белого снега. Кем я был и что я теперь? Успешный бизнесмен, любимый муж, счастливый человек. Теперь я просто тот, кто живой. Даже имени не осталось. Его у меня нет, потому что никто меня никак не называет.

Я жил в кубе. Шесть поверхностей. Шесть граней. Я чудом удерживал себя от сумасшествия. Поначалу иногда я терялся: может потолок – это пол. И я должен ходить по полу, который именуется стеной. Может, после очередного газа, меня перевернули с ног на голову и я уже хожу по потолку. Ведь есть же присоски или турбины, которые меняют гравитацию. Может быть это просто эксперимент ученых или меня отправили в космос. И я никому не делал ничего плохого. А может…

Эти может миллионами лезли в голову, вытесняя один другого, повторялись, менялись. С ними я просыпался. С ними засыпал. Я один. И может это не сапоги, а роботы. А может плов не плов и рисинки – это инопланетяне, имплантанты… личинки… я заражен… я новое орудие массового уничтожения… я…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.